

Искорка

ЭТО БЫЛО ЭТИМ ЛЕТОМ...

Спелых яблок - полон сад!
Не снести в столовую.
Постарался друг - Юрич!
На свою же голову!

Спокоен в лагере дружок,
Застал на все три сменки
Кружок для каждого - шесть штук!
И река - по колесо...

- Ну и слез! Потеха, братцы!
Ну, не слезивал боек!
... Кто умеет так смеяться -
Тот хороший человек.

В дозор отправлена разведка,
В кусты притихла на опушке
Не подвеса бы только Светка...
Вдруг закричит: «Мам-м-м-м!!!»

Ещё не лето в хоре схватки,
Ного положат на лопатки.

Друг пернатый, друг крылатый,
Жбе не бойся, мы юннаты!

Друг трюшник, друг дороз,
Великий круглый котёлок!
В нем, как в сказочной посуде,
Что ни кинь - все вкусно будет.

Год издания XI

Искорка 1967
АВГУСТ

Е Ж Е М Е С Я Ч Н И К

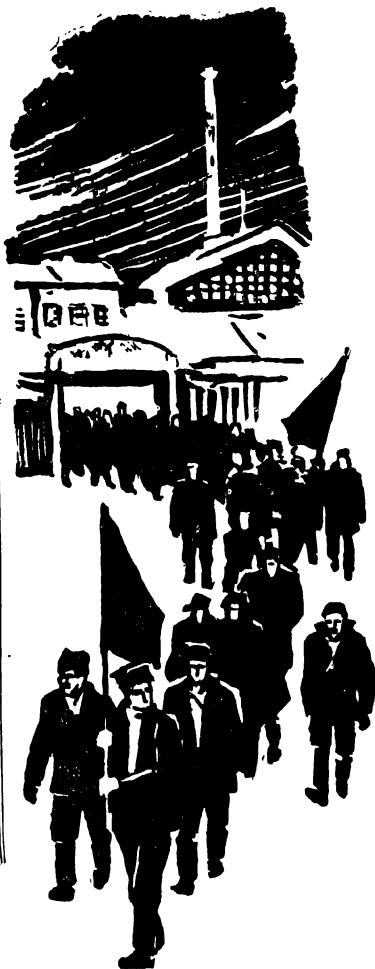
газеты «Ленинские искры» — орган
Ленинградского Обкома и Горкома ВЛКСМ,
Ленинградского Совета пионерской
организации имени В. И. Ленина

К АЖЕТСЯ, что это было не так-то уж давно: всего пятьдесят, сорок пять, тридцать лет назад... Но об этих годах уже сложены стихи и песни, о них говорят с гордостью и огромным уважением. Ибо это были годы революции, борьбы за народное счастье, годы невиданного строительства, годы стойкости и побед.

Музеи хранят реликвии славных лет. Старые кадры кинохроники запечатлели прогремевшие годы на плёнке. Художники — бойцы гражданской войны воссоздали забываемое на полотнах картин. Поэты сложили стихи.

Со временем всё это стало памятником, летописью великих лет. Стихи поэтов, творивших в то время, видевших всё своими глазами — тоже живые свидетели славного пути, пройденного нашей Родиной.

Перелистаем вновь страницы этой летописи. Пусть снова зазвучат строки. Пусть оживут стихи!

Демьян Бедный

Революционный гудок

*Глубокою ночью воздух морозный
Прорезал призыв твой, тревожный и грозный:*

*«Вставай, поднимайся, рабочий народ!
Смертельный твой враг — у ворот!»*

*Твой голос, стозвучным подхвачен гудом,
Звучал, как набат, над трудящимся людом:*

*«Вставай, поднимайся, рабочий народ!
Насильник стоит у ворот!»*

*Твой клич повторил пролетарий всесветный,
Доносится к нам его голос ответный:*

*«Проклятье злодеям, творящим разбой!
К оружию, народ трудовой!»*

*Услышав твою боевую тревогу,
К нам рать трудовая спешит на подмогу,
И, слыша её сокрушительный шаг,
Трепещет зарвавшийся враг.*

*Священные храмы ТРУДА и СВОБОДЫ,
Застыли в суровом молчанье заводы,
Проходят пред ними в щетине штыков
Ряды пролетарских полков.*

*Гуди же, гудок! Всеми миру поведай,
Что все мы умрём иль вернёмся с победой!*

*«Вставай, поднимайся, рабочий народ!
Смертельный твой враг — у ворот!»*

1918 год.

Павел Шубин

Э С Т А Ф Е Т А

Всадник скрылся в пшенице
Возле низких ракич,
Только шапка, как птица,
Над пшеницей летит.

И погоня от брода
По летящей, по ней,
Бьёт, не спешившись, с ходу,
С запалённых коней.

Как сквозь дымку всё это,
Как во сне оживёт:
Степь Задонская. Лето.
Восемнадцатый год.

И высокий, сутулый,
С тёмной мукой в глазах,
Навзничь брошенный пулей
Неизвестный казак.

С боязливою лаской —
Чувством тёплым одним —
Два дружка, два подпaska
Наклонились над ним.

Смерть его распостёрла,
Словно крест у межи.
Кровь толчками из горла
С тихим свистом бежит;

И не слышно ни слова,
И дыхания нет.
Лишь из пальцев лиловых
Чайкой рвётся пакет.

А куда его надо
И кому передать?
Не случилось ребятам
Научиться читать.

Но сияние алой
На папахе звездой
Больше слов рассказало
Пастухам молодым.

И, дорогу срезая,
По широкой кривой,

Старший, набок сползая,
Поскакал к Таловой.

Там за волю сражаться,
Как своих сыновей,
Вёл полки богучарцев
Василенко Матвей.

Ой, вы дальние дали,
Ветра вольного гик!
...А второго пытали
Лютый пыткой враги.

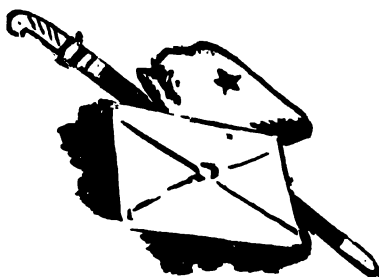
Рыжий сотник глумился:
«Что ж ты, милый, молчишь?
Где товарищ твой скрылся?

Не видал, говоришь?»
И нагайка змеёю
Завиваясь к концу,
Била, бешено воя,
По глазам, по лицу...

И ни слова, ни знака...
Сотник вскинул клинок:

«Что же, скажешь, собака?» —
 Но смолчал паренёк.
 Словно в поле ромашка
 Под свистящей косой,
 Пал он, срезанный шашкой,
 Непокорный, босой...
 Гей вы, степи, далече
 Ваш дымится восход!
 Смертной пулею мечен

Восемнадцатый год.
 Таловая и Лиски,
 Воронцовка, Бахмут!
 Поимённые списки
 Павших не перечтут.
 Но об этом подпаске
 Есть: «Погиб за народ
 Васька Савинков». Ваське
 Шёл пятнадцатый год.

Михаил Светлов

В Р А З В Е Д К Е

Поворачивали дула
 В синем холоде штыков,
 И звезда на нас взглянула
 Из-за дымных облаков.
 Наши кони шли понуро,
 Слабо чуя поврда.
 Я сказал ему: — Меркурий
 Называется звезда.
 Перед боем больно тускло
 Свет свой синий звёзды льют...
 И спросил он:
 — А по-русски
 Как Меркурия зовут?
 Он сурово ждал ответа;
 И ушла за облака
 Иностранная планета,
 Испугавшись мужика.
 Тихо, тихо...
 Редко, редко
 Донесётся скрип телег.
 Мы с утра ушли в разведку,
 Степь и травы — наш ночлег.
 Тихо, тихо...
 Мелко, мелко.
 Полночь брызнула свинцом, —
 Мы попали в перестрелку,
 Мы отсюда не уйдём.

Я сказал ему чуть слышно:
— Нам не выдержать огня.
Поворачивай-ка дышло,
Поворачивай коня.
Как мы шли в ночную сырость,
Как бежали мы сквозь тьму —
Мы не скажем командиру,
Не расскажем никому.
Он взглянул из-под папахи,
Он ответил:
— Наплевать!
Мы не зайцы, чтобы в страхе
От охотника бежать.
Как я встану перед миром,
Как он взглянет на меня,

Как скажу я командиру,
Что бежал из-под огня?
Лучше я, ночной порою
Погибая на седле,
Буду счастлив под землю,
Чем несчастен на земле..
Полночь пулями стучала,
Смерть в полуночи брела,
Пуля в лоб ему попала,
Пуля в грудь мою вошла.
Ночь звенела стременами,
Волочились повода,
И Меркурий плыл над нами —
Иностранная звезда.

Биссарион Саянов

ЗнаменнЫй зал

*Вхожу с друзьями в зал краснознаменнЫй
И вот опять нежданно узнаю
На тихой перекличке поименной
В холодный вечер молодость мою.*

*Она спешила в жаркий день Чонгара,
Озарена лишь слабым светом звёзд.
Ползла в крови по плитам тротуара,
Перед атакою вставала в полный рост.*

*Чего она в боях не испытала,
Где не бывала в правоте атак!
Горит над ней простреленный и алый,
В сраженьях многих побывавший стяг.*

*Нет украшений никаких на нём —
Ведь шли мы в бой не под раскаты маршей, —
Но на поверке он горит огнём
Весь в чистой славе молодости нашей!*

Рисунки В. Адаева

Дьявольский велосипед

Б У-УБА, Бу-уба! — противным голосом ною я.— Буба, а Буба! Я больше не буду!

Но Буба словно окаменела за своим «неприкасаемым» рабочим столом, не шелохнётся. Сбоку мне виден только один её глаз, да и то крепко зажмуренный. Другим она смотрит в микроскоп. Буба лечит растения и сейчас, конечно, рассматривает в микроскоп какой-нибудь срез какого-нибудь листа.

— Буба! Да Буба же!

Никакого впечатления. Только чуть заметно дёргается правая коленка, туго обтянутая серой джинсой. Ага! Это значит, что внутри Буба смеётся. Дело идёт на лад! И я реву нестерпимым пылесосным рёвом:

— Буба! Не имей на меня зуба!!!

Буба не выдерживает. Она оборачивается ко мне и хохочет.

— Ну, так и быть. В последний раз. Вечно мне от матери из-за тебя влетает. Я же не ябедничала, когда ты ей сито клеем замазала!

Я вспоминаю, как мама пыталась просеивать муку через это сито, и скромно фыркаю.

— Буба, я же тоже не ябедничала. Просто мама спроси-

ла: «Буба утром кашу ела?»
А я и говорю: кашу — нет, а селёдку и орехи — да.

— А тебя за язык тянули? Ты что — не знала, что мне за это будет? Сердце там всякое, печёнка — Буба ведет себя как девчонка! Даже хуже — как мальчишка! Не знала, да?

Буба встаёт и, оставив под столом тапки, на цыпочках крадётся к буфету.

— У меня тут заначка, — шепчет она, — бутерброд с икрой. Разделим?

Дверца буфета предательски скрипит. Тима, пышный и хитрый кот цвета городской булки, просыпается, соскакивает с буфета и стремглав вылетает на кухню. Он терпеть не может Бубу. Она его — тоже.

— Донесёт, — отчаянно шепчет Буба, протягивая мне бутерброд. — Спрячь.

Но уже поздно. Дверь распахивается. На пороге мама. Всё ясно: я с бутербродом, Буба без тапок.

— Ну, дорогие мои, — вкрадчиво начинает мама. И взрывается: — Опять кусочничают! Опять без тапок! Да когда же это кончится! Буба! Уж ты-то постыдилась бы!

Буба, она же моя бабушка Марина Ивановна, садится в кресло и, закинув ногу на ногу, смотрит на свою бушующую дочь.

— Не шурши, — спокойно говорит она.

— Сил моих больше нет! — кричит мама. — Вот и вари им, вот и старайся! Налопаются за пять минут до обеда, а потом...

Рыжий Тима трётся о мамы ноги и преувеличенно громко мурлычет, демонстрируя хорошую дисциплину и кроткий характер.

— Не шипи! — кричит на него Буба.

Тогда Тима выгибает спину и действительно шипит.

— Ну хорошо же! Только попробуйте теперь отказаться от супа! — И мама хлопает дверью.

С минуту Буба молчит, а потом, вздохнув, произносит:

— Знаешь что, Ленка? Давай удержём!

Удрать с Бубой — ещё бы! И для этого совсем не обязательно надевать пальто и боты. Наоборот, я сбрасываю тапки и вскакиваю в Бубино кресло, пристраиваюсь у неё за спиной.

— А как будем удирать, Буба?

Она поднимает глаза вверх.

— Пожалуй... пожалуй, через старые часы.

Большие старые стенные часы вообще ходят, но сейчас стоят. Их редко заводят: дедушкин будильник, радио и 08 по телефону куда лучше знают сегодняшнее, точное время. Буба встаёт на кресло рядом со мной и открывает дверцу часов. Медный, в завитушках маятник неподвижно поблёскивает в тёмной глубине ящика. Пахнет пылью и (а может, это просто кажется?) временем — старым, давно отмеренным и невидимо сложенным на дне ящика. Буба легонько трогает маятник. Вот он качнулся — раз, другой... вправо, влево...

«Тик, так», — произносят часы с расстановкой.

— Тикают, — говорит Буба задумчиво. — Как пятьдесят лет назад. Сколько же мне тогда было? Интересно... Да, ровно столько, сколько сейчас тебе, Ленка. Вот теперь у нас дома всякой техники много — телефон, телевизор, холодильник. А тогда эти вот часы да ещё плохонький велосипед моего старшего брата были единственными машинами в доме. И мы ими очень гордились. Мы — это мой отец, Иван Никитич, твой, Ленка, прадед... Моя мать, Пелагея Фёдоровна, — твоя, стало быть, прабабушка... И трое ребят: Васька, по прозвищу Марзан, девятилетний Петька, без всякого прозвища, и я сама. Меня тогда звали Маришкой, а чаще — Шпонкой. Почему такие прозвища? А дело в том, что наш отец был типографским наборщиком. Марзан и шпонка — типографские слова. Шпонка — тонкая пластинка, которую вставляют в набор между строчками, чтобы они не сливались. А марзан — такой плотный металлический брусок — кладут там, где в книге должны быть поля. Марзану тогда было уже пятнадцать лет, и он помогал отцу в наборном цехе. У него-то и был велосипед, которому завидовала вся наша улица. С этим велосипедом приключилась однажды странная история...

...Шёл июль 1917 года. Был вечер, и семья наборщика Ивана Никитича сидела за столом и ужинала. На столе лежали толстые желтоватые огурцы и

зелёный лук, уже загрубевший и деревянистый. На медном подносе пыхтел и выхвалялся самовар. Только его и было слышно. Все молчали, потому что молчал отец. Он уже недели три был мрачен, и даже Пелагее Фёдоровне трудно было вытянуть из него словечко. В начале июля офицеры и юнкера расстреляли демонстрацию рабочих и солдат и разгромили редакцию «Правды». Начались аресты. Большевикам пришлось скрываться, уйти в подполье...

Марзан отхлебнул из блюдечка и раскашлялся.

— Кашлять стал Марзанка-то, — сказал Иван Никитич угрюмо.

— От свинца это... — откликнулась Пелагея Фёдоровна. — С тех пор, как тебе в цехе помогать начал...

— Надо бы детей в Удельную отправить, к сестре Клаве. Она давно зовёт.

— Вот и хорошо! Марзанка там молочком отопьётся. А то ведь и чаютку нажить недолго. Слышишь, Марзан?

— Ну, — пробормотал Марзан, хрупая леденцом.

— Не нукай, не извозчик, — вставила Шпонка.

Надо сказать, что Марзан удивительно искусно владел маленьким словечком «ну». Оно значило у него то «да», то «что?», то «неужели?», то «ещё бы!».

— Так ты, Марзан, — сказал Иван Никитич, — бери завтра с утра велосипед и поезжай со Шпонкой в Удельную. Нечего время терять. А в цехе

я договорюсь, подменят тебя на недельку.

— Ну, — сказал Марзанка довольным голосом.

— А я? — жалобно проныл Петька.

— Не аякай, — снова вставилась в разговор сияющая Шпонка.

— А ты, Петька, погоди. Тебя я сам свезу в воскресенье.

Петька надулся. Ждать Удельной было нелегко. Удельная — это деревья, молоко, лук и стрелы, лохматый репьиный пёс Цезарь... А Шпонка уже теребила мать, уверяя, что пальто ей в Удельной ну ни капельки не понадобится...

МАРЗАН и Шпонка подъезжали к Удельной. Уже далеко позади остались знакомые городские места: разношёрстные дома Петроградской, зелёная затейливая вывеска трактира, булочная с разбитым окном и длинной растрёпанной очередью, керосинщик, что есть силы дующий в рожок и сзывающий к своей бочке хозяек с бутылками, мохнатая лошадь керосинщика, грустно взглянувшая вслед двухколёсному чуду Марзана. Теперь мимо мелькали окраинные пустыри, огороды, рощицы. Сидя на раме между руками брата, крепко вцепившимися в руль, прижимаясь головой к его куртке, от которой шёл знакомый жирный запах свинца, Шпонка глотала плотный встречный ветер и глядела во все глаза. И она, конечно, первая увидела кособокую избушку тётки Клавы, приютившуюся между нарядной жёлтой дачей

важной старухи Елизаветы Павловны и синеньким домиком дяди Кирюши.

— Приехали! — крикнула Шпонка на секунду раньше Марзана.

Сразу за домами начиналась роща. Ветер в ушах стих, и стало слышно, как она заманчиво шелестит и насвистывает разными голосами. Но вместо того, чтобы немедленно броситься туда, Шпонке и Марзану долго ещё пришлось сидеть в комнате, устланной радужными половиками, есть творог и отвечать на расспросы тётки Клавы. Впрочем, отвечала всё больше Шпонка, Марзан же отделивался своими разнообразными «ну». А в окне давно уже торчала рыжая голова Серёжки-леопарда. Леопард, сын соседа, дяди Кирюши, получил это прозвище не только за свои редкостно большие веснушки. Он действительно был леопард — по хитрости и сообразительности. Отец и бабушка (мать Серёжки умерла года три назад), не зря прозвали его так.

Только через час Марзану и Шпонке удалось наконец прорваться к нему. И тогда начался обход, вернее облёт владений. В роще перемен было много. Появилось два новых муравейника. Красное мухоморное собрание перекечевало глубже под ёлку — под самые лапы. Пенёк, в прошлом году ещё пустой, теперь оброс целой толпой худосочных опят.

А вот в посёлке всё было по-прошлогоднему. Так же, как год назад, сидела в кресле на веранде Елизавета Павлов-

на, «старая барыня на вате» (так называла её тётя Клава), и, поминутно поправляя пенсне, читала «Ниву», ту же самую, что и в прошлом году. Так же лениво покачивался между двумя берёзами её пёстрый гамак, а на садовой скамейке валялся клетчатый плед. Через парк к станции двигались нарядные дамы в больших тенистых шляпах, и красные с золотом юнкерские погоны то тут, то там вспыхивали на солнце. Был обыкновенный, чуточку скучноватый загородный день. И казалось, ничего не произошло за этот год особенного.

— Леопард, а где дядя Кирюша? — спросила Шпонка.

Леопард насупился:

— Он редко теперь бывает. В этом году и удить-то ни разу не ходили. Вот в воскресенье приедет, наверно.

— Ну, — сказал Марзан огорчённо. — А где ж это он?

— Всё в Сестрорецке, на заводе своём, на оружейном, где же ещё? Днюет и ночует. Бабушка уж рукой махнула. — И Леопард показал, как махнула рукой бабушка.

В ВОСКРЕСНОЕ утро Шпонка долго не могла проснуться. Сначала её пытался разбудить солнечный свет, горячо упавший на глаза. Шпонка спряталась от него в подушку и снова заснула. Потом раздались какие-то шаги и знакомые — сквозь тоненький утренний сон — голоса. Потом всё стихло, и вдруг за окном взорвался громкий дружный хохот. Шпонка оконча-

тельно проснулась и, протирая глаза, высунулась в окно.

На бревне под окнами сидели Марзан, Леопард и — Иван Никитич с Петькой! Значит, они приехали, пока Шпонка спала!

Перед ними на лужайке, высоко подняв руку с куском хлеба, важно выставив острую седоватую бородку, стоял дядя Кирюша. Кудлатый Цезарь приплясывал перед ним на задних лапах, тянулся за подачкой. Дядя Кирюша первый заметил Шпонку.

— Почтеннейшая публика и уважаемая лично Марина Ивановна, — объявил он с изящным поклоном. — Сейчас солист Средних и Малых театров господин Цезарь Блоховский исполнит свой коронный номер. Прошу вас, маэстро, изобразите, как меньшевик у нас на заводе выступает.

Цезарь присел, энергично выкусил блоху из хвоста, припал на передние лапы и, убедительно мотая головой, залился частым визгливым лаем.

Шпонка захохотала вместе со всеми и зажмурилась от радости. Предстояло прекрасное долгое воскресенье — с отцом, с дядей Кирюшей, ну и с Петькой тоже...

МАРЗАН лежал на животе среди лужайки и читал «Остров сокровищ». Время от времени на плечо ему наваливался Леопард, заглядывал в книгу. Было жарко, и Марзан лениво отпихивал его локтем. Рядом, на брёвнышке, Иван Никитич с дядей Кирюшей выстреливали стрелы для Петьки

и вели какой-то неинтересный, взрослый разговор.

— Кирилл, — спрашивал Иван Никитич, — помнишь тот разговор насчет картошки? Как у вас в Сестрорецке? Можно будет достать?

Дядя Кирюша, сдунув с ли-

ца влажную седую прядь, отвечал:

— Наклёвывается сейчас такая возможность. Со дня на день.

— А точно когда будешь знать?

— На той неделе, наверное.

Отборная картошка. Всё дело в том, как хранить.

— Как договорились—у Николая. Так как же ты мне согласишься?

— Н-да... Сложновато, — сказал дядя Кирюша. — В город мне к тебе ездить — на душе как-то беспокойно. Ведь того и гляди...

Иван Никитич задумался.

— А знаешь что? — усмеялся он. — Ты, как узнаешь, Марзанку с запиской ко мне отсюда пошли. У него же велосипед. Верно, Марзанка?

— Ну, — отозвался Марзан, не отрываясь от книги.

— А что? Идея, — тихо сказал дядя Кирюша. — За Марзанкиным велосипедом хвоста не будет...

Чуткое ухо Леопарда уловило эти слова. Он фыркнул, толкнул Марзана в бок и хотел уже было сказать: «Опять батя что-то придумал. Бывают разве хвостатые велосипеды?» — но тут мимо них с визгом пронеслась Шпонка. За ней мчался Петька, на бегу обстреливая её твёрдыми калиновыми ягодами из длинной зелёной трубки. Это оружие, конечно, придумал и вырезал сегодня на болоте дядя Кирюша. Леопард вскочил, схватил свою трубку и бросился вслед за ними.

Спасаясь от мальчишек, Шпонка влетела в полутёмные сени и закрылась на крюк. В замочную скважину сейчас же просунулся конец трубки и стал медленно поворачиваться, продолжая обстрел. Шпонка отбежала в дальний угол и тут вдруг завизжала уже по-

настоящему, пронзительно и перепуганно:

— А-а-а! Мама!

На полу, возле горшка с молоком, извивалась большая змея.

Бочком, по стенке, Шпонка добралась до дверей и откинула крюк. Петька и Леопард ворвались в сени.

— Чего орёшь? — сказал Леопард, прицеливаясь трубкой.

— Змея! Гадюка!

Леопард отстранил Шпонку и отважно подошёл к змее.

— Дура, да это уж, — спокойно сказал он и поднял змею за хвост.

Петька и Шпонка стояли, разинув рты.

— Ну, лафа нам теперь, — сказал Леопард, осматривая ужа. — Своя собственная змеюга! Куда бы его посадить?

— В старый ящик, у нас в сарае стоит, — осмелела Шпонка.

— Я ему лягушек буду ловить, — сказал Петька.

— Только смотрите — никому... Разве что Марзанке.

Они завернули ужа в Петькину куртку и, крадучись, понесли в сарай.

РЕБЯТ было теперь не оттащить от сарая. Что ни говори, — там поселилась тайна, там проживало пленное чудовище. Даже Марзан, снисходительно улыбаясь, заглядывал в ящик и трогал чудовище пальцем. Но оно всё больше дремало, свернувшись клубком. Питаться оно предпочитало в одиночестве. И

Марзан снова принялся за «Остров сокровищ».

Однажды после полудня Шпонка лежала между грядок на огороде и грызла морковку. Вдруг рядом с её лицом появилась пара пыльных ботинок с лохматыми шнурками. Ботинки как будто знакомые. Шпонка подняла голову и увидела дядю Кирюшу. Откуда он взялся? День был будний. И самое удивительное — дядя Кирюша не начал, как обычно, с чего-нибудь вроде: «Марина Ивановна, как ваше драгоценнейшее?», а торопливо и озабоченно спросил:

— Где Марзан?

— В сарае, велосипед смазывает. — Шпонка вскочила, чтобы идти с дядей Кирюшей.

— Нет, Мариша, ты тут посиди. У нас с ним мужской разговор. А с тобой успеем ещё наговориться. Я на этот раз надолго...

Что греха таить — Шпонка любила подслушивать. Тем более — в сарае был спрятан уж. А что, если этот «мужской разговор» — про него? И через минуту Шпонка уже лежала возле сарая, среди лопухов и битого стекла, прижав лицо к щелястой стенке.

Леопард, выбежавший было навстречу отцу, заметил издали, как Шпонка подкрадывалась к сараю. Зелёные леопардовские глаза радостно вспыхнули: происходило что-то таинственное! Он ловко подполз к другой стене сарая. Теперь сарай просматривался и прослушивался с двух сторон.

— ...достал у нас в Сестрорецке, — говорил дядя Кирюша. — Свези отцу записку, да поскорей.

— А что она, картошка, убежит, что ли?

— Ты пойми, картошка — первый сорт. Надо скорей, а то ещё другие покупатели найдутся.

— Ну, — согласился Марзан, пожав плечами. Всё это было немного необыкновенно, но подавать виду не стоило. Марзан был человек гордый.

— Возьми записку, — дядя Кирюша протянул Марзану тонюсенькую бумажную трубочку. — Не потеряй. Спрячь получше. Куда ты её положишь?

Марзан хитро улыбнулся, поднялся и вытер руки тряпкой:

— Есть одно такое местечко. Смотрите.

Он взял записку, снял резиновую рукоятку с велосипедного руля, сунул записку в руль и насадил рукоятку на место.

— Ну? — спросил он торжествующе.

— Надёжно, — одобрил дядя Кирюша. — Поезжай, Марзанка.

Марзан вывел велосипед из сарая, вскочил на него и выехал на дорогу.

— Тёте Клаве передайте, что вечером вернусь!

Фасонно, не держась руками за руль, Марзан покатил по улице. На повороте велосипед занесло, и он чуть не сбил с ног какого-то прохожего в полосатом летнем костюме. Прохожий шархнул в канаву и удивлённо присвистнул вслед Марзану. Выбравшись опять на дорогу, неизвестный легкомысленно повертел в воздухе тросточкой, поправил соломен-

ную шляпу с небольшими полями и огляделся. Взгляд его, равнодушно скользнув по дяде Кирюше у калитки, по колодцу, по петуху на заборе, остановился на Петьке, который глазел на него из-за ограды. Незнакомец надул румяные сочные щёки и с шумом выпустил воздух. Петька хихикнул, и незнакомец, помахав ему рукой, вошёл в сад Елизаветы Павловны. Оттуда, из-за кустов шиповника, донеслось:

— Пьер, друг мой, какими судьбами? Вот нечаянная радость!

— Скорее счастливое совпадение, милейшая Елизавета Павловна! Заехал по делам в Удельную, и вот — ваш гость. И заночую у вас, если позволите.

— Однако же, — слышался голос «старой барыни на вате», — давненько вы не баловали меня визитами. Чуть не полгода глаз не кажете. Стыд какой, забыли совсем старуху... Прошу на веранду, прошу...

ИВАН Никитич прочёл... записку дяди Кирюши и поднялся.

— Вовремя привёз, Василий, спасибо, — сказал он.

Отец называл Марзана настоящим и полным именем только в исключительных случаях. «Значит, важное что-то», — сообразил Марзан.

— Батя, — сказал он робко, — а почему надо молчать? Что это за картошка такая?

— Много будешь знать — скоро состаришься!

— Батя! Нечестно это! Значит, возить я имею право, а знать — не имею?

— Да некогда мне, Марзанка! Спешу!

— Батя!!!

— Ладно. Одно тебе скажу: стреляет эта картошка. Понял? Не проболтаешься?

Марзан, закусив губу, взглянул на отца.

— Н-ну, — оскорбленно выдохнул он. — В первый раз, что ли? Когда шрифты от обыска прятали, я разве звонил? Нет, ты скажи, звонил я?

— Ну не звонил, не звонил, — торопливо, на ходу бросил Иван Никитич. — Да, между прочим! — уже в дверях обернулся он. — Пора бы вам и честь знать. Хватит у тётки Клавы на шее сидеть. Ещё день-два и возвращайся со Шпонкой. А Петька пускай ещё поживёт.

МАРЗАН вернулся в Удельную, когда уже почти стемнело. Шпонка и Леопард сидели перед домом на скамеечке, ждали его. Но, соскочив с велосипеда, Марзан только мельком взглянул на них и прямо прошёл к дому. Вид у него был замкнутый и значительный.

— Марина, — сказал он с крыльца, — послезавтра в город возвращаемся. Отец велел. Так что собирайся.

— Что это он? — сказал Леопард.

— Откуда я знаю, — растерянно шепнула Шпонка. — Голодный, наверно. Он, когда голодный, всегда злится,

— Значит, уезжаете, — произнёс Леопард как можно равнодушнее.

— Значит.

Они помолчали. Было свежо. С огорода тянуло тем особенным, терпким запахом картофельной ботвы, который даёт знать, что осень уже близко. На веранде Елизаветы Павловны её давешний гость крутил ручку граммофона. Раздалось потрескивание, шипение, и ореховая глотка граммофонной трубы заорала танго.

— Шпонка, я тебе письмо напишу, — сказал Леопард, немного надеясь, что граммофон заглушит эти немужские слова.

— Я тебе тоже напишу, — сказала Шпонка.

— Шпонка, ты уж с собой заberi. Он общий, но ты его всё равно заberi.

— Ой, Леопард! — захлопала в ладоши Шпонка. — Он у нас на окне между рамами будет жить! Я ему всё устрою! А маму уговорю! Пошли, Марзану скажем!

Марзан сидел спиной к дверям за столом и ел. Его спина и прочно поставленные локти выглядели по-взрослому усталыми и солидно.

— Леопард нам ужасно всем отдаёт, — сказала Шпонка. — Давай его в город свезём?

Марзан прищурился на керосиновую лампу и хмыкнул презрительно:

— Нну! Буду я вашими глупостями заниматься!

— Вась, ну чего ты? Ну свезём, а?

— Сказал — не повезу, и точка. Детские игрушки...

С минуту Леопард и Шпонка глядели на непреклонную спину Марзана.

— Закаменел, — прошептал Леопард и махнул рукой побабушкиному.

— Ну вот, завтра едем, — уныло сказала Шпонка.

— А что, Марзанка совсем-совсем не хочет? — спросил Петька.

— Начисто отказался, — сказал Леопард.

Шпонка куснула травинку, и сердито протянула:

УТРОМ Петька, Шпонка и Леопард сидели в траве возле забора. По ту сторону ограды, уткнувшись в газету, покачивался в гамаке гость Елизаветы Павловны. За вчерашний день ребята успели привыкнуть к нему. Он всё время попадался им навстречу: то он прогуливался взад-вперёд по улице, иногда приостанавливаясь (видимо, любовался синими ставнями дяди Кирюши), то играл с Цезарем, приманивая его кусочком сахара, то сидел на скамейке в парке. Когда ребята пошли с дядей Кирюшей на станцию за газетами, он и там оказался: тоже покупал газеты и с аппетитом грыз яблоко, беспечно озираясь по сторонам.

— Де-етские игрушки... Подумаешь, какой взрослый нашёлся... А сам-то...

— А сам какими-то записочками занимается, — подхватил Леопард.

— А ты разве видел? — удивилась Шпонка.

— Видел. Я и тебя видел, как ты подглядывала.

— Какие записочки? — спросил Петька.

— А кто их знает. Ерунда какая-то. Мой батя его к вашему батю с записками посылает.

— Ты видел, он записку в руль спрятал? — спросила Шпонка.

— Ага. Тоже мне, тайну делают из какой-то дурацкой

картошки. И зачем её из Сестрорецка возить, её и тут хватает.

За оградой скрипнул гамак, зашелестела газета.

— Шпонка, ты мне ваш адрес не забудь сказать, — напомнил Леопард.

— Запоминай: улица Гребцкая...

Леопард вдруг вскочил, не дослушав...

— И-де-я! Придумал! Повезёт его Марзан! Повезёт и даже знать не будет! В жизни не догадается! Знаете, как?

Леопард настороженно огляделся:

— Лучше пошли в сарай. Секрет так секрет, — сказал он шёпотом. — А то этот, в гамаке, вроде слушает...

Ребята бросились в сарай. Они не видели, как гость Елизаветы Павловны вылез из гамака, схватил со скамейки трость и шляпу и торопливо зашагал к станции.

В ДЕНЬ отъезда в сарае происходила тихая таинственная возня. Шептались трое:

— Ручку сняли?

— Ага. Упаковывай.

— Ну как, влазит?

— Туговато идёт.

— А ты ещё нажми.

— Легко вам командовать...
Пошло, пошло!

— Упаковывается?

— Укладывается! Прямо как по мерке.

— Как на заказ! Готово?

— Готово. Закрывай давай.

— Шпонка! — донёсся издали крик Марзана. — Иди собирайся! Время!

ШПОНКА снова сидела на раме между руками Марзана. Ей было и грустно и смешно сразу. Грустно, когда она думала, что Удельная на этот год кончилась, и когда вспоминала, как стояли у калитки дядя Кирюша, тётя Клава и Петька, а Леопард прощально размахивал чем-то, отдалённо напоминающим носовой платок. А временами Шпонка чуть не давилась от смеха, глядя, как важно вырывается Марзанка, сосредоточенно сжимая резиновые рукоятки руля.

...Скоро они будут дома. Вот сейчас проедут они этот скучный пустынный переулочек, по обеим сторонам которого тянутся высокие кирпичные стены с мутными окнами, а там — поворот на Гребцовую, и их дом... И тут из подворотни в конце переулочка наперерез велосипеду выскочили двое.

— Стой! — крикнул один из них, растопырив руки и загрохавшая дорогу. Шпонка мгновенно узнала его полосатый костюм и смешную соломенную шляпу.

— Стой, кому говорят! — пробасил другой, здоровенный детина в белой рубахе навыпуск.

Марзан и Шпонка соскочили с велосипеда.

— Ну, чего надо? — проворчал Марзан.

Детина в белой рубахе молча взял его за шиворот.

— Пусти! А то... — крикнул

Марзанка, вырываясь. Велосипед повалился на мостовую.

— А шуметь не стóит, — негромко, с улыбкой сказал Соломенная Шляпа.

— Карманы? — сумрачно спросил детина, встряхивая Марзана.

— Нет, зачем же карманы, — любезно возразил Соломенная Шляпа. — Сей юноша более остроумный конспиратор...

И Соломенная Шляпа с торжествующей улыбкой присел над велосипедом и принялся снимать рулевую рукоятку. Шпонка вдруг увидела, что Марзан тоже слегка усмехается. И тоже торжествующе! Он всё понял. Зря стараются! Не найдут они сегодня никакой записки! На этот раз дядя Кирюша велел передать отцу просто на словах, что нужно обязательно проверить склад для картошки...

Тем временем Соломенная Шляпа снял рукоятку и сунул палец в руль. Детина, не выпуская Марзана, тоже нагнулся над велосипедом.

— Есть?

— Что-то есть...

Шпонка крепко зажмурилась.

— А-а-а! С-сатана! — раздался вдруг истошный вопль.

Шпонка открыла глаза. Полосатые брюки Соломенной Шляпы уже исчезли за поворотом. Детина тяжело мчался вслед, крестясь на бегу. Марзан застыл на месте с недоуменным, глуповатым, совсем не взрослым лицом. А из велосипедного руля, медленно извиваясь, выползала большая чёрная змея...

ДНЯ через три, накрывая на стол, мать говорила: — Сегодня бабку Анисью в хлебной очереди встретила.

Была, говорит, вчера у обедни, слышала, как отец Андрей проповедь о большевиках говорил. Достоверно, мол, стало известно, что большевики — семя дьяволово, с сатанюю коротко знают, и нечисть адская на службе у них проявляется. Не зря же, говорит, в одном дьявольском большевистском велосипеде самого змея-искусителя видели! — Пелагея Фёдоровна с усмешкой глянула на окно, где между рамами, свернувшись на травяной подстилке, дремал уж.

Иван Никитич, Марзан и Шпонка дружно захохотали.

— Дьявольский велосипед! — взвизгнула Шпонка. — Слыхал, Марзан?

— Ну... — выдавил сквозь смех Марзан.

— Да, велосипед твой теперь у них на подозрении, — сказал, отсмеявшись, Иван Никитич. — А жаль. Мне бы Кириллу еще кое-что сообщить надо. Ума не приложу — как. Придётся, видно, тебе, Марзанка, поездом в Удельную съездить. Хотя личность ты теперь заметная... Наверняка хвост за тобой увяжется.

Шпонка нерешительно сказала:

— Батя... А почему всё Марзан да Марзан? Я тоже могу съездить. Я же теперь всё знаю!

— Ну! — проворчал Марзан. — Рыбы и дети голоса не имеют.

— Сам ты рыба! Батя, ну, можно? Батя!

— Гм... — сказал отец. — А почему бы и нет, собственно?

— Ура! — крикнула Шпонка.

— Вот и поезжай завтра. Пораньше. Дяде Кирюше скажешь, что «картошку» ждут на складе. Скажешь, что склад надёжный, безопасный и что Николая я вчера видел. Пора перевозить «картошку». Запомнила?

— Запомнила, батя!..

— Заодно Петьке пальтишко свезёшь, — сказала Пелагея Фёдоровна. — Вечера холодные стали.

— Нууу... — разочарованно протянул Марзан.

— Не ворчи, Марзанка, — сказал отец. — Пускай и Шпонка в конспираторах походит. Пускай поможет... Змей-искуситель! — хохотнул он.

ОБЕДАТЬ! — кричит за дверью мама.

Мы с Бубой слышим этот крик как сквозь сон и продолжаем стоять на нашем кресле под часами. Мама вбегает в комнату, всплёскивает руками.

— Нет, вы только посмотрите! Папа, иди сюда! — зовёт она. — Как тебе это нравится, папа?

Из соседней комнаты выходит мой дед Сергей Кириллович, глядит на нас и смеётся. Вид у нас, наверно...

— А что, и нравится, — говорит дед, пощипывая свою рыжеватую седую бородку. — Бабушка и внучка в своём репертуаре. Но вы всё-таки слезайте. Кресло продадите, и обедать пора.

— Погоди, Леопард, — говорит вдруг Буба. — Мы сейчас... Я сейчас вернусь..

— Леопард? — удивляется дед. — Что это ты вспомнила, Марина Ивановна? Ты где это была?

— В Петрограде... В Удельной... В семнадцатом году.

— Значит, ты с Ленкой там была, — обиженно говорит дед. — Без меня...

— Нет, ты там был. Тебе было двенадцать лет, и тебя ещё звали Леопардом...

— В следующий раз, — строго произносит дед Леопард, — изволь взять меня с собой, Шпонка. Слышишь, Марина Ивановна?

Е. Руженцев

В Михайловском

*Гостим в Михайловском с утра
И верим все, подобно детям:
Здесь Пушкин был ещё вчера,
Да ускакал опять к соседям!*

*Что делать? Час за часом ждём.
Он должен, должен появиться!
Постой, прислушайся: о ком
Звонит ручей, щебечет птица?*

*Поют о Пушкине луга,
О нём задумались дороги,
Бормочет светлая река
Его задумчивые строки.*

*В листве рождаются слова,
Их шепчет роща за холмами,
И в поле юная трава
Чуть слышно шелестит стихами,*

Рис. А. Курушина

КУСАЧКИ

Есть такие щипцы — кусачки. Можно гвоздь перекусить, можно — проволоку. Лежат они в сумке у связиста с разным другим инструментом.

Поглядеть на них — простые железные щипцы.

А могут кусаться. И крепко кусаются, когда нападает враг.

Было это в 1943 году в предгорьях Кавказа. Вон уже куда забрались наглые немецко-фашистские захватчики!

Остановили их. И теперь штаб готовил наступление.

Конечно, скрытно готовил. Секретно. Но фашисты всё-таки узнали о готовящемся наступлении.

И откуда только пронюхали?

Все командиры штаба ломали голову над этим вопросом.

И связист Казанов тоже думал об этом.

Он, Казанов, сидел в штабе у телефона.

Когда стемнело и бой стал утихать, посадил дежурить у телефона другого, а сам к начальнику:

— Разрешите пойти связь проверить!

— А что, барахлит? — спросил начальник.

— Нет, всё в порядке. Но

какие-то посторонние шумы...

— Идите, — отпустил его начальник.

Казанов — за сумку, вскинул на ремень автомат и тихонько вылез из землянки наружу.

Глядит — светло, взошла луна. Чёрная телефонная проволока так и поблёскивает между камней у нагорной дороги.

Вот бы при луне проверить линию! Всё видно, живо бы управился. Но нельзя: заметят фашисты.

Казанов выждал, пока луна скрылась за облаком, и пополз.

Ползёт, ощупывает в темноте проволоку, расправляет узелки, а сам озабоченно поглядывает на небо.

Вот край облака начинает светлеть, делается прозрачным: сейчас луна выглянет...

Выглянула!

А связиста уже нет. Пропал.

Нет человека. Только камни. Лежат у дороги — а поди разбери, который тут живой!

Ловкого солдата, когда свернётся калачиком, и не отличишь от камня.

Ползёт Казанов. Под коленками больно перекатываются мелкие острые камешки. Руки в ссадинах...

Устал связист. Но подбадривает себя.

«Теперь уже недалеко», — шепчет он, вытирая пот со лба.

Телефонная проволока змейкой побежала в гору. Там, на перевале, держит позицию наша пехота.

Среди голых скал сидят. Истомились ребята.

Но узнали, что скоро вперёд, и уже не терпится схватиться с фашистами. Солдаты видели, как орёл, защищая гнездо, бьёт волка и сбрасывает его по скалам вниз.

«Вот так и мы расправимся, — горячо твердили солдаты, — со зверьём фашистами!»

А те, узнав о наступлении, в переполохе даже ночью стреляют...

Нескончаемое эхо будит тишину гор.

Вот шальной снаряд взорвался в горном потоке. Высоко к небу взметнулся фонтан воды, седой при лунном свете.

— Бей, воды не жалко! — усмехнулся Казанов.

Ползёт дальше. Но солдату не нравится, что гитлеровские вояки пронюхали о наступлении. Как это могло случиться?

Однако некогда раздумывать. Он, связист, на проверке линии.

В темноте нащупал узелок — и вдруг чувствует: на ладони не одна проволока, а две.

«Что за напасть? Откуда вторая?»

Осторожно, из рукава, по-

светил себе электрическим фонариком.

Глядит — своя, чёрная проволока. А в неё словно впиалась чужая, жёлтая.

Фашистская! Разговоры подслушивает. Вот откуда враг знает про наши дела!

Ух, как разгневался Казанов... Отстриг шпионскую проволоку — и ну кромсать её кусачками, ну кромсать!

Однако опомнился:

«Не то делаю. — И убрал кусачки. — Зачем уничтожать жёлтую проволоку? Она мне службу сослужит».

И залёг в сторонке за камнем. Приготовил автомат.

Немного прошло времени. Слышит Казанов шорох. Фашист ползёт.

«Ну-ка, что он будет делать?»

Так и есть. Опять к нашей линии пристраивается. Наверно, подумал — снарядом оборвало.

«Ишь ты, понравилось подслушивать! Только врешь, больше жёлтая проволока действовать не будет». Казанов не стал стрелять, а то шума наделаешь. С одного удара он прикончил фашиста кинжалом. И тут же столкнул его в пропасть.

Опять Казанов за камнем. Едва успел устроиться — второй фашист ползёт.

Уложил и этого.

Но своей засады не покидает. Ждёт ещё гостей.

Обязательно приползут — потому что как же они без шпионского подслушивания!

Одного только не рассчитал умелый воин. Думалось

ему, что и дальше фашистские крысы будут выползать поодиночке. Под его кинжал. А они целой компанией привалили...

Сколько их — и не пересчитать среди камней. Потому что в касках. Залегли, каски на лоб насунули — и сразу стали похожи на камни.

«Меня ещё не видят, не видят...» — шептал про себя Казанов. Но чувствовал, что дело плохо. Он один — а их сколько?

Начал он потихоньку отползать назад, прячась за камни... Да и напоролся на фашиста в каске.

Завязалась рукопашная. Казанов одолел фрица, прикончил.

Но на шум кинулись остальные:

— Рус, сдавайся, тебе капут!

— Вам капут, собаки гитлеровские! — И Казанов веером, слева направо и справа налево, окатил фашистов из автомата.

От метких его пуль, словно мешки с воза, рухнули убитые.

Сам присел на камень — и вовремя: цветными светящимися нитками просвистали у него над головой ответные пули.

— Рус, сдавайся! Рус!

Это — голоса из-за соседних камней.

Выходит, не все полегли от его пуль...

«Как их выковырять оттуда, а? Как взять из-за камней?» — твердил огорчённый неудачей Казанов. — Теперь ни одного пулей из автомата

не достанешь. Гранатой бы...
Эх, нету гранаты!»

Сидит Казанов, затаился за камнем, не знает, что и придумать.

— Рус, сдавайся! Нас много. Плен, плен иди!

Молчит Казанов. Приуныл... Зови не зови, помощь не придёт. На перевале, где наши пехотинцы, разгорелась перестрелка, — голоса его не слышат. А ближе и нет никого.

А фашисты уже окружают его тайничок.

— Хенде хох! — кричат. — Руки вверх!

Казанов побледнел. Отчаянная мысль ударила ему в голову.

— Ах, хенде хох? — яростно закричал он и вскочил с поднятыми руками.

Он был страшен. В руке у связиста сверкнула молния.

Фашисты в испуге шарахнулись.

— Хенде хох! — гаркнул Казанов, выходя из-за своего камня и наступая на оторопевших фрицев.

СВЯЗИСТ Казанов привёл в штаб шестерых пленных.

Начальник, поздравляя победителя, удивлялся:

— Да как же вам удалось одному пленить такую ораву?

Казанов потупился:

— Смешно это вышло, товарищ начальник. Не совсем по-военному... Я их кусачками напугал.

ДЮШЕС

МЫ играли в ножички, а Эдик сидел на крыльце и читал газету. Очки у него сползали по переносице, но он даже не замечал этого и сам наклонялся вслед за ними всё ниже и ниже.

Читать ему вскоре надое-ло, он отложил газету и стал смотреть, как Тимка кидает «с локотка». Тимка долго искал на локте место, куда бы поставить остриё, потом целую минуту прицеливался, а когда совсем уже всё было готово — в лоб ему стукну-лась какая-то муха, и при-шлось начинать сначала.

— А знаете что, — сказал Эдик, — у деда Степана две яблони — мичу-ринские.

— Какие? — не понял я.

— Мичури-нские. Гибри-дные. По виду яблоки как ябло-ки, а раску-сишь — груши. Дюшес!

Я не ответил. Потому что но-жик у Тимки

шлёпнулся плашмя на песок и теперь кидать была моя очередь.

— Спорим, что дюшес! — Эдик соскочил с крыльца и подошёл к Тимке. — Я точно знаю. В магазине старухи го-ворили.

Тимка задумался. Конечно, ему было видней: Тимка тутошний, местный. А Эдик всего-навсего дачник. Хоть он и живёт тут каждое лето, но всё равно — дачник. Я же про эти яблоки ничего не слышал. Я тут первый год живу.

— Дюшес!.. — протянул наконец Тимка. — У нас во всей деревне-то таких нету. Антоновка есть, белый на-лив, китайка...

— А вот и есть! — завёлся опять Эдик. — У деда Степа-на есть! Он, думаешь, зачем таким забором огородился? Чтобы не подглядывали.

И дачников к себе не пускает.

— Чего их прятать, яблоки-то? — удивился я.

— Для базара, — отозвался Тимка. — Раз они редкие — то дороже. А если бы у всех такие были, пришлось бы цену сбавлять. Только я про дюшес не слышал...

— Спорим? — подскочил сразу Эдик. — Ещё какие редкие! В нашей области дюшес, наверное, только у него и есть. Вот вы, — повернулся он к Тимке, — в школе на участке дюшес выращиваете?

— Семян нету, — покачал головой Тимка.

— Достать надо! Вас бы за такой сорт сразу в Москву, на выставку.

— А чего же дед не на выставку? — спросил я.

— Потому что он — жмот. Для себя только. А Тимка бы — для всего народа.

Тимка грустно улыбнулся:

— Да нету у него таких.

— Могу доказать!

Эдик кричал ещё целых полчаса. Мы доигрывали в ножички. А доказательства висели на ветках яблонь деда Степана за высоким забором. По виду яблоки как яблоки, а внутри, может, и дюшес.

— Надо бы слазать, — сдался наконец Тимка.

Я вспомнил, что у деда Степана есть собака. Но Тимка сказал, что она такая старая, что даже лаять разучилась. Тимка в деревне двенадцать лет живёт и ни разу не слышал, чтобы она хоть тявкнула когда-нибудь.

— Я её и шишками проверял, и палки кидал — молчит. Подождёт хвост — и бегом.

— А если солью пальнёт? — спросил я на всякий случай.

— Не пальнёт, — уверенно заявил Эдик. — Я уже всё продумал.

Мы сели на крыльцо, и Эдик начал нам объяснять.

Обычно в сады лазают ночью. Но это воры. А мы не воры. Мы ради науки. Поэтому мы полезем не ночью, а вечером. Когда в клубе кино будет. Дед Степан ни одного фильма не пропускает — это раз. Другие тоже все в кино уйдут — это два. А, в-третьих, передвижка эта на всю деревню орёт. Если дедова дворняга и залает, всё равно её никто не услышит. Что же касается маскировки, то вечера теперь такие тёмные, что если кто и в клуб не пойдёт — всё равно ничего не разглядит на улице.

Продумано всё было здорово. Только Тимке кино жалко стало.

— Завтра наверняка про войну будет, — сказал он. — Давно уже не было. Всё про любовь.

Мне тоже стало жалко кино. В городе я в кино не ходил, вроде внимания на него не обращал. А тут интересно. Тут его ждёшь, ждёшь. Но с Эдиком спорить трудно. (Если бы просто так лезли, а то ведь ради науки...)

Через забор мы перемахнули благополучно. Тимка к нему доску приставил — дер-

жись за неё и лезь, как по лестнице. Так и перелезли.

Темно кругом!.. Тихо-тихо! Только движок у клуба стрекочет. Вроде кузнечика. Если стоишь — яблонь и не видно вовсе. А присядешь — видно: ветки прямо к небу тянутся. Яблочки кругленькие висят.

— Которые дюшес? — шепчет Тимка.

— Искать надо! — шипит Эдик. — Только аккуратненько. По грядкам зря не топтать. Чтобы никаких улик.

Тимка вперёд двинулся. Я за ним.

Только через клубнику перебрались, слышу, кто-то впереди меня — хлоп! — барахтается, сопит. А рядом ещё кто-то сопит. Тяжело так дышит; наверняка чужой. Потом слышу — Тимка ругаться начал шёпотом.

— Пошла вон! Брысь! — шипит. — Ребята!.. Собака тут. Рядом со мной сидит.

Слышу, Эдик куда-то в сторону между грядок пополз. Только метра на два продвинулся — как вскрикнет!

Потом команду подаёт:

— Лежите! Не двигайтесь! Этот чёрт меня за штаны схватил. Надо обдумать.

Я молчу.

Тимка тоже молчит.

Эдик обдумывает.

И собака не лает. Правильно Тимка говорил: совсем немая. Из клуба кино тарахтит. Про войну. Выстрелы с экрана слышатся. Потом «ура». Наверное, наши в атаку пошли. А мы тут в плен попали...

Тимка зашевелился. Мимо меня зашелестел. Только за куст завернул — кто-то через меня как прыгнет! И опять тихо-тихо...

Собака не лает.

Я молчу.

Тимка молчит.

Эдик обдумывает.

Потом на улице голоса слышались: из кино народ повалил. Первыми мальчишки мимо забора пробежали. Потом ещё кто-то протопал. А потом наш пёс как вдруг залает! И чего это он? Никто из нас и с места не сдвинулся, а он как залает!

Слышим, из-за забора дед кричит:

— Иду-иду!

Тут уж Эдик вскочил да как сиганёт к забору! Тимка тоже вскочил. А по саду уже фонарик мелькает:

— Держи их, Полкан!

Мне этот фонарик как ре-занёт по глазам! Я чуть не ослеп. Проморгался, гляжу— луч между грядок прыгает. Там как раз Тимка на спине лежит, ногами дрыгает, от пса отбивается. Здоровеннейший такой псина!..

По саду ещё кто-то затопал. Два фонарика получились. Первый фонарик ко второму повернулся — в луче дядя Вася стоит, колхозный плотник. Спал, наверное, — в одних трусиках вскочил. Зато с палкой.

Как наставили они свои фонари — нам и деваться некуда.

Дядя Вася Эдика за руку держит. Собака Тимку стережёт.

— Нашкодить задумал? — запищал дед тоненьким голосом.

— Не-е... — мычит Эдик. — Мы не нашкодить...

— А в сад зачем залезли? Заблудились? — забасил дядя Вася. — Городские ещё, а туда же! Тимофею-то я сам уши нарву, а вас, голубчиков, — в правление. Да штраф, чтобы не воровали.

— Мы и не воровали, — вырвал у него руку Эдик. — Можете обыскать, ни одного яблока нету.

— Не успели, стало

быть, — запищал дед. — Полкан не позволил.

— И не собирались даже. — Голос у Эдика стал как-то потвёрже. — Мы сюда по-хорошему. По-доброму, — говорит. — У нас дело есть. Очень даже доброе дело. — Он шагнул к Тимке, дал ему руку, помог подняться с земли и стал отряхивать Тимкину куртку.

— Интересно, что это у вас за такое дело в чужом саду? — напустился опять дед. — Может, вы и не воры, а ревизоры?

— Мы — тимуровцы! — выпалил вдруг Эдик.

— Кто-кто? — придвинулся дядя Вася.

— Тимуровцы. Гайдара читали? Ну вот: тимуровцы — это пионеры, которые помогают старым, одиноким и семьям погибших воинов.

Дядя Вася повернулся к деду:

— Слышал, сосед, как заливают? Помогать пришли! Ночью! Чего же не днём, не через калитку?

— Тимуровцы всегда так

делают, — говорит Эдик. — Чтобы никто не видел. Они не напоказ работают, а от чистого сердца. И человеку приятно: встанет утром, а у него грядки прополоты, дрова в поленницу сложены, воды полная кадка.

Дядя Вася слушал внимательно. Только всё равно он Эдику ни за что не верил. Это даже в темноте видно было.

— И ты, Тимофей, тимуровец? — спросил он.

— Ага, — пробубнил Тимка.

— Он нам и рассказал всё, — затараторил опять Эдик. — Как только мы тимуровскую команду организовали, он и рассказал, что дедушка Степан совсем один живёт, никто-никто ему не помогает. А самому-то ведь трудно с таким садом управиться!.. Вот мы и хотели поможь.

Дед чего-то собрался залопотать, но дядя Вася остановил его:

— Не спеши, сосед! Тут дело в твою пользу выходит. — Он похлопал себя ладонями по голым ногам и сразу согласился с Эдиком.

— Значит, всё в порядке, — говорит. — Помогать, значит? Хорошее дело! Слышишь, Степан Васильевич?! Они тебе помогать будут. Прямо с утра и начнут. Ты им отвори, значит, дай каждому по лопате, и пусть работают. Раз они эти... тимуровцы. А насчёт тайны, то у дедушки, сами знаете, забор без щёлочки! Никто не узнает, как

вы тут секретно работаете. И в правлении я ни звука, значит... Договорились?

ВОТ так мы и стали тимуровцами. Прямо с утра. И на следующий день тоже. Целую неделю мы в саду дедушки Степана ковырялись. Грядки окапывали. Яблоки в подвал таскали. Все перепробовали, — ни одно грушей не пахнет. Наврали старухи в магазине.

Дед сидит, самокруточки сворачивает, а мы копаем.

Он себе чаёк из самовара потягивает, а мы копаем.

Подсказывает, значит, где ещё чего делать, — мы и копаем.

И чаем ни разу не угостил. Жмот настоящий. А мы — тимуровцы.

Помогаем старому и одинокому.

Пёс этот тоже сидит, хвостом виляет.

Так ни разу и не залаял больше. И чего это ему тогда приспичило?

У меня уже и мозоли прошли. Сначала здорово болели, а потом ничего, привык. Копаем мы с Тимкой и на Эдика ворчим. Идея ему, видите ли, пришла!.. Находчивость проявил!..

Он потом и ещё придумал.

— Вы, — говорит дяде Васе, — в газету про нас напишите. Как мы помогаем...

— В газету? — улыбнулся дядя Вася. — А как же тайна? Ведь тогда все узнают.

Так и работали в строгой секретности.

Только через неделю управились. Дед нам по яблочку выдал. А дядя Вася осмотрел сад и сказал:

— Молодцы! Здóрово всё тут организовали. Ты, сосед, мне теперь закуску готовь, в гости приду. А вам, тимуровцы, надо бы ещё Аграфене Силкиной помочь. Одна она живёт, как есть одна. Сын на войне погиб, хозяйство запущенное... А вы, как вы есть тимуровцы...

В ОБЩЕМ, сейчас мы работаем у Аграфены Васильевны. У неё лучше: она нас вареньем угощает, парным молоком. Да и всё-таки приятно — одинокая семья погибшего воина.

Эдик на один день выходной брал. В район ездил. В райвоенкомат. Теперь мы точно знаем, сколько в нашей деревне семей погибших воинов.

И Тимке тоже идея пришла.

— Что мы, — говорит, — нанялись одни-то все огороды перекапывать. Пусть и другие помогают. Все долж-

ны быть тимуровцами. А то нам тут до следующей весны хватит.

Завтра мы на клубе повесим объявление. Так, мол, и так, срочно создается секретная тимуровская команда. Явка всех школьников строго обязательна.

ВЫСШАЯ МЕРА

В бадминтон играть — не брюкву полоть. Играть рвались все. А ракеток было только шесть. И хранились они в палатке физика Олега Григорьевича. Из-за этих ракеток после работы разгорались целые сражения.

На этот раз тоже шло сражение. Олег Григорьевич наблюдал за сражением через видоискатель киноаппарата «Кварц». Соломенная шляпа висела у физика на затылке. Круглый животик мешал ему присесть. Олег Григорьевич пытался взять кадрик снизу.

Антоша пролез между ног сражающихся и нырнул в палатку. Какая-то дылда наступила Антоше грязным кедом на ухо. Палатка трепыхала и раскачивалась. В конце концов она всё же рухнула, и Антошу накрыло брезентом. Сразу сделалось тихо. Потому что все, конечно, мгновенно смылись.

Антоша нащупал в темноте две ракетки, немного полежал и полез к свету.

— Явление Христа народу, — сказал Олег Григорьевич, жужжа в него киноаппаратом. — Странно лишь, Антон, что ты держишь ракетки не в зубах.

За спиной физика уже стояла председатель совета лагеря Римма Ясевич. Сурово сдвинув чёрные брови, она предупредила:

— Имей в виду, Тонечка, это тебе так просто не сойдёт.

Антоше никогда ничего не сходило. Он уже давно привык к этому. Но ракетки ему тоже нужны были позарез. Вчера после прополки брюквы Женька Струменский всех подряд высаживал в бадминтон. А Антоша стоял «на мусор». Люся Кибиткина упрашивала пустить её без очереди, но Антоша её не пустил. Он сам хотел посадить Женьку, чтобы сыграть с Люсей. Но разве Женьку высадить? Женька в два мига обыграл Антошу.

Потом Женька «общелкивал» Люсю и подсмеивался над ней. Он всё время над всеми подсмеивался. У него, конечно, и глаза выразительные, и на артиста Баталова он смахивает, и зубы у него не гнилые, как у Антоши, а ровные и белые. Только будь у тебя хоть какие зубы, всё равно нехорошо подсмеиваться над людьми.

Антоша спрятал под рубашку ракетки и отправился разыскивать Люсю. Люся сидела за палатками на перевернутом

ведре и читала журнал «Экран». Она мечтала стать кинозвездой. Даже синяя лента в её волосах была повязана в точности, как у какой-то знаменитой актрисы.

Люся подняла на Антошу синие глаза и спросила:

— Что, уже горн на обед был?

— Нет ещё, — просопел Антоша, вытаскивая из-под рубахи ракетки. — Перекинемся?

Он постукивал ракетками по ладони. В груди у него тоже что-то постукивало. Он уже целую неделю мечтал сыграть с Люсей.

И тут случилось такое, чего кто угодно не вытерпел бы.

— Мне некогда, Антоша, — совершенно спокойно возразила Люся. — Мне ещё нужно с Женей Струменским кое-что к вечернему «огоньку» приготовить.

Представляете? Антоше из-за этих ракеток чуть ухо не отдавили, а ей некогда. И опять со своим Женей!

— Да что ты приклеилась-то к нему?! — взорвался Антоша. — До потери сознательности влюбилась, да?

Люся изумлённо вытаращила синие глаза, вскочила и закрылась журналом. Загрохотало ведро. Люся бросилась к палатке, споткнулась о верёвку и упала. Плечи и спина у неё вздрагивали.

И тотчас перед Антошей вырос Женька Струменский. На упругих Женькиных щеках сияли весёлые ямки.

— Сударь, — важно произнёс он, — вы меня оскорбили, защищайтесь.

— Клоун фиговый! — завопил Антоша и треснул по красивой Женькиной голове сложенными вместе ракетками. — Питекантроп крупнозернистый!

Невозмутимый Женька надулся и сказал:

— Я требую удовлетворения.

— Чего? — растерялся Антоша. — Какого удовлетворения? Драться, что ли, хочешь?

— Совершенно точно, — подтвердил Женька. — Но, разумеется, не на кулаках. Я слабеньких не бью. Я тебя разделаю под орех культурным способом. Чтобы больше не обзывался.

Женька вообще был ужасно культурным. Он говорил, что кричат и возмущаются только дикари и невоспитанные люди.

— Пожалуйста, — тихо ответил Антоша. — Мне что? Только подсмеиваться над всеми — это ещё хуже, чем обзываться.

Встречу они назначили на дальней поляне у болота. Кровавые условия поединка Женька разработал сам. У Антоши от его условий по телу мурашки забегали. Но отступить было некуда.

В секунданты Антоша взял тихого Валерку, по прозвищу Рыба. Валерка никому ни в чём не отказывал и умел держать язык за зубами.

Женька явился к болоту с Риммой Ясевич. Антоша прямо опешил, когда увидел его с Риммой Ясевич. Совсем обнаглел человек. Он бы ещё Олега Григорьевича с киноаппаратом притащил!

— Где это ты видел, — спросил на всякий случай Антоша, — чтобы в секунданты женщин брали?

Но Женька знал кого брать. Женькина секундантша кольнула Антошу коричневыми глазами и бросила:

— Ишь какой разговорчивый сделался. Начинайте!

Женька важно скрестил на груди руки и выставил правую ногу. Антоша вздохнул и тоже скрестил на груди руки. С болота тонкими слоями полз туман. В торжественной и печальной тишине густо звенели комары.

Дуэлянты застыли в пяти метрах друг перед другом. Они стояли, точно каменные истуканы. Двигаться условия дуэли запрещали. Можно было лишь шевелить губами, ресницами и, если умеешь, ушами. Сражённым считался тот, кто первым не выдержит и отгонит комара рукой. Сражённый был обязан в присутствии секундантов извиниться перед соперником.

Антоша из-под губы дул на комаров и вертел носом. Женька равнодушным взглядом скользил по верхушкам деревьев. На комаров он не дул. Он делал вид, что ему доставляет огромное удовольствие стоять у болота и подставлять свою физиономию на растерзание хищникам.

Один особенно крупный хищник впился в Антошин лоб над бровью. Антоша никак не мог его сдуть. Хищник вонзился в лоб всё равно как сверло.

Антоша моргал, двигал бро-

вями, щеками и челюстью. Рыба смотрел на него и кисло морщился. Антоша двигал челюстью, словно корова, которая жуёт жвачку. Он крутил челюстью со скоростью тысяча оборотов в минуту.

Губы у него распухли. Он горел, точно с него содрали кожу и посыпали мясо солью. Комары вгрызались в Антошу сквозь пиджак, штаны и кеды.

Потом Антоша катался по сырой траве. Он визжал и рычал. Из глаз, которые сузились, как у японца, сами собой текли слёзы. Губы у него стали как у негра. Он плескал на пылающее японо-негритянское лицо водой из болота и остервенело скрёб кожу.

— Неужели так сильно чешется? — вежливо поинтересовался Женька, когда Антоша немного очухался.

Опустив заплывшие глаза, Антоша извинился перед ним. Он сказал, что несправедливо обозвал Женьку фиговым клоуном и крупнозернистым питекантропом.

— Теперь ещё перед Люсей извинишься, — сказала Римма.

— Перед Люсей — уговора не было, — буркнул Антоша и посмотрел на Женьку.

На Женькином лице не было ни одного пятнышка. Римма тоже с удивлением уставилась в Женькино лицо. Оно блестело, будто от пота. Проведя по его щеке пальцем, Римма медленно произнесла:

— Ты что... мазался никак?

— Конечно, — с милой улыбкой подтвердил Женька. — «Тайгой». Лучшее сред-

ство против комаров. Ему ведь тоже никто не запрещал мазаться. Просто в каждом деле, канареечка-пташечка, мозгой шевелить надо.

Рыба молча сопел и хлопал глазами.

Брови у Риммы слились в одну черту и сползли на переносицу. Она задохнулась от возмущения.

— А Дантес? — сдерживаясь, спросила она. — Дантес что, тоже по-твоему, мозгой шевелил, да? Он перед дуэлью с Пушкиным под рубашку кольчугу надел. Это ты знаешь?

— Нет, — вздохнул Женька, — этого я не знаю. Это

давно было. Мало чего теперь придумать могут.

Римма зло дёрнула Антошу за руку и увела к лагерю. Она вела его всё равно как маленького. Вместе с Рыбой она ставила ему на лицо примочки. Ребята сбежались рассматривать его мрачную физиономию. Всех очень интересовало, как это он умудрился так распухнуть. И молчаливый Рыба в десятый раз объяснял, что Антоша заснул в самом комарином месте.

Олег Григорьевич отснял Антошу крупным планом и посоветовал ему в следующий раз лечь спать на муравьиную кучу.

— Тогда я буду иметь возможность, — сказал он, — получить уникальные кадры чисто обглоданного скелета.

Когда горн пропел отбой, Антон забрался в палатку и устроился на своём жёстком ложе. После примочек и мазей лицо горело уже не так сильно. В темноте было слышно, как рядом ворочается Женька.

В палатке галдели ребята. Кто-то зажгёт фонарик. Светлое пятно металось по потолку. Покачивался посредине палатки столб. Брезент над головами двигался и дышал.

— Тоже мне Пушкин, — шепнул над Антошиным ухом Женька. — Надулся, будто тебе виноват кто.

Антоша промолчал. Он твёрдо решил не разговаривать с Женькой.

— Сильно болит? — спросил Женька участливо.

Антоша не ответил. Женька ещё что-то шептал и доказывал, а потом прошипел:

— Ладненько, посмотрим, как ты завтра запрыгаешь, когда все узнают, почему ты меня ракетками стукнул. Из-за любви к Кибиткиной стукнул. Вот почему.

— Дурак! — подскочил Антоша. — Из-за какой любви?

Но Женька высказал свой ультиматум и повернулся к Антоше спиной. Хорошо хоть, в палатке стоял галдёж и никто ничего не услышал. Антошу даже в жар бросило оттого, что кто-нибудь мог такое услышать.

На другой день ребята с утра пололи брюкву, и Антоша

ни на шаг не отходил от Женьки, Антоша прямо заделался наилучшим Женькиным другом. Он хлопал Женьку по спине, чтобы доказать ему своё хорошее отношение, и громче других хохотал над его дурацкими шуточками.

— У, Женька! — захлёбывался он. — Во даёшь, бродяга!

Грядки уходили в бесконечность. Было жарко и душно. В блёклом небе плавал коршун. У ручья в низине толпились кусты.

Женька присел рядом с Антошей и двумя пальцами брезгливо дёргал травинки.

На грядку упала тень. Антоша поднял голову. Римма Ясевич с ухмылочкой посмотрела ему в глаза и проговорила:

— Тряпка ты всё-таки, Тонечка.

А Женьке она сказала:

— Знаешь, Струменский, надоело. Честное слово. Или кончай филонить, или мотай отсюда.

Перепачканные в земле руки Римма держала у бёдер. Ладони у неё были подняты, как у балерины на сцене.

— Что ты, канареечка, — с напускным испугом забеспокоился Женька. — Я тружусь, пташечка. Запарился аж.

Он прицелился в грядку, секунду подумал и двумя чистыми пальцами ловко выдернул рассаду.

— Во!

Римма ударила его по руке:

— Дурочку строишь?

— Люди! — заголосил Женька. — За что бьют трудящего человека? Люди!

К ним подошёл Олег Григорьевич. Постукивая ладонью о ладонь, чтобы счистить с них землю, сказал:

— Минуточку, Ясевич. Если мне, однако, не изменяет память, совет лагеря постановил работать только на добровольных началах.

— Зачем же он тогда ехал с нами? — вспыхнула Римма. — Он о работе ещё в городе знал.

— Я ехал только на добровольных, — вставил Женька. — Олег Григорьевич совершенно прав. А здесь что?

— Так Олег же Григорьевич! — беспомощно закричала Римма. — Он ведь издевается над нами. Разве вы не видите?

— Неужто издевается? — удивился физик. — Однако. А какие у тебя претензии ко мне? Я ведь тут как бы вроде завхоза. Чтобы продуктами вас обеспечивать. Остальное вы уж сами. Так, кажется, в школе порешили?

Женька опять выкрутился. С него всё скатывалось, как с гуся вода. Когда физик отошёл, Женька стал кривляться ещё больше. Он кривлялся и тайком бросал взгляды в сторону Люси Кибиткиной. Но Антоша уже больше не мог хотать над его шутками. Антоше было так стыдно, что он не мог поднять глаз. Он прополз в тот день грядок в два раза больше обычного. Он прямо спину не мог разогнуть к обеду.

На вечернем «огоньке», после песен и подведения итогов дня, Римма зачитала приказ совета лагеря.

— За увиливание от работы, — прочитала Римма, — совет лагеря постановил: предоставить Струменскому три дня отдыха,

Костёр стрелял искрами. Вокруг замерла ночь. Ребята от удивления замерли тоже.

— Во дают! — буркнул кто-то. — Ты тут вкалывай, а он пузом вверх валяться будет.

Женька крикнул:

— Чтой-то вы недодумали там, начальнички! Вроде как масло масляное получается.

— Ничего, — сказала Римма. — Не беспокойся. Наказание бездельем — самое сильное наказание. Человек даже сам не знает, что он не может сидеть без дела. Мы никого не заставляем ходить на прополку.

Олег Григорьевич тоже сидел у костра. В физика летели искры. Они впивались в его лыжную куртку и гасли. Олег Григорьевич молчал. Вместе с дымом искры взмывали в небо. И на небе зажигалось всё больше и больше звёзд.

Римма ошиблась. Может, другие люди действительно не могут сидеть без дела, а Женька мог. Сколько угодно. На другой день Женька слонялся по пустому лагерю и веселился.

— Давай, давай! — кричал он дежурной команде, которая тащила из леса сушняк для кухни. — Жми, работай, ребятки! Я бы помог, да мне нельзя. Я наказанный.

А вечером он отозвал Антошу за палатку, пощупал на своей голове макушку и сказал:

— Солидная шишечка.

— Какая шишечка? — не понял Антоша.

— От ракеток, — пояснил Женька. — До сих пор не проходит.

— Так я же тебя сеткой! — возмутился Антоша.

— Сеткой! — А ты попробуй. Вот тут.

Антоша догадался, к чему клонит Женька. Он хотел, чтобы Антоша тоже не ходил на работу. Чтобы он сидел вместе с ним. За компанию.

— Нет уж, — твёрдо сказал Антоша. — Хватит с меня.

— Жаль, — вздохнул Женька и снова пощупал макушку. — Надо ведь так шибануть. Из-за любви к какой-то Кибиткиной и наварить хорошему человеку такую шишку. Ай-яй.

— И не люблю я её вовсе, — со слезами в голосе проговорил Антоша. — Откуда ты взял-то, дурак?

— Ну вот, — обиделся Женька. — И ещё дураком обзывается. Завтра же ставлю вопрос на «огоньке». Пускай ребята сами разберутся, кто кого любит.

Но разбираться на «огоньке» не пришлось. На другой день Антоша на работу не пошёл. Перед построением он удрал в лес. Ему хотелось ударить вообще. Насовсем ударить из этого лагеря. Удрать от самого себя. Сесть на какую-нибудь попутную машину и рвануть к маме в город. Но он никуда не рванул. Лишь только строй пропылил в поле, он, как побитый пёс, приплёлся обратно в лагерь.

Первым, кого Антоша увидел, был Рыба.

— И ты? — удивился Антоша.

Рыба покраснел, опустил голову и стал отвёртывать на шортах пуговицу. Женька тоже крутился тут же. Запустив камнем в сосну, Женька сказал:

— Рыба понимает, что такое настоящая дружба. Айда, ребята, в бадминтон играть.

Антоше в бадминтон не хотелось. Валерка немного помахал ракеткой и отказался тоже. Они уселись у костров, на которых варился обед.

— Чего это вы не в поле? — спросила у Антоши с Валерой дежурный главный повар Таня Белкина.

— Рука у меня что-то, — буркнул Антоша.

Рыба посмотрел на Антошины руки, молча взял топор и стал рубить ветки.

Дым ел глаза. Антоша сел по другую сторону костра. Там тоже ело глаза. Антоша даже закашлялся от дыма. Тогда он собрал в клеёнку миски и потащил их мыть на речку.

Они с Рыбой мыли посуду и рубили дрова, шуровали костры и размешивали поварёшкой густую кашу. Они так старались и спешили, словно на соревнованиях. И дежурная команда тоже спешила за ними. Огонь полыхал, как в доменной печи. Ребята и сами не замечали, что торопятся. А может, замечали, да просто на всех какой-то азарт нашёл. Не успели оглянуться — обед готов.

— Ай да мы! — сказала главный повар Таня Белкина.

Она попробовала суп, посмотрела на редкие облака и бросила в котёл еще три столовые ложки соли. Пшённую кашу с мясом Таня тоже попробовала. Она пожевала её, пошевелила губами и определила, что каша вполне съедобная и даже очень вкусная.

— И вообще-то, — подумав, сказала она, — это не так уж хорошо, что обед сварился рано, — остынет.

Больше делать было нечего.

Антоше не сиделось на месте, и он предложил организовать поход за дровами. Вокруг лагеря лес от сухостоя уже очистили, и идти нужно было далеко. Идти захотели все.

— Всем нельзя, — рассудила главный повар Таня Белкина. — Кто-то должен остаться у костров. Нужно держать костры на маленьком огне.

— Я останусь, — раздался вдруг голос Женьки Струменского.

Таня Белкина посмотрела на него недоверчиво.

— Катите, катите, — махнул рукой Женька. — Огонь подержать как-нибудь сумею.

— Только совсем-совсем маленький, — сказала Таня.

— Совсем-совсем, — заверил её Женька.

Ребята отправились в лес. Женька остался у костра. Он сидел на сучкастой коряге, которую никто не мог разрубить, такая она попалась крепкая, смотрел в огонь и задумчиво шевелил прутиком раскалённые угли.

Вполне съедобную и даже вкусную пшённую кашу с мясом после обеда пришлось отнести в деревню свиньям. Свиньи её, кажется, ели. Главный повар Таня Белкина намертво засунула нос в согнутую руку и глухо всхлипывала.

Олег Григорьевич сказал «однако» и стал заводить киноаппарат «Кварц».

Римма Ясевич подскочила к Струменскому и захлебнулась от возмущения.

— Ну, знаешь! — только и смогла выговорить она.

Оказалось, что, когда ребята ушли в лес, Женька налил себе миску супа, наелся каши, накидал под котлы дров и захрапел в тени под кустом. Суп здорово выкипел, но есть его было можно. А каша стала чёрной, как копчёная селёдка.

Вокруг котлов в молчании столпился лагерь. Женька боком поглядывал на ребят и обкусывал на пальце ноготь.

— Ладно, чего там похороны разводите! — крикнул кто-то из мальчишек. — И без каши обойдёмся. Не похудеем.

— Обойдёмся! — не очень дружно поддержали его.

— Такое со всяким может случиться.

— Что со всяким?! — закричала Римма. — Что со всяким? Разве дело в каше? Сам-то он поесть не забыл! Успел! Понимаете вы? Успел! По завязку наелся! Все работали, а он ел. Лежал под кустом и ел! Какое он имел право есть без нас? Какое?

От злости и возмущения она топала ногой и чуть не ревела.

— Ой, ой, — обнял её за плечи Олег Григорьевич. — Нервишки, председатель. А собираешься в педагогический.

Он повернулся к Тане Белкиной:

— Что, шеф-повар, кашу будем оплакивать или обедать? Горна я что-то, однако, не слышу.

Горнист кинулся к палатке за горном, и над лесом звонким эхом прокатился сигнал к обеду.

На вечернем «огоньке» Римма Ясевич зачитала новый приказ. Сначала в нём шло про то, что Женька наказывается. А когда Римма произнесла: «приговорить Евгения Струменского к высшей мере наказания», — у костра сделалось так тихо, что стало слышно, как звенят комары и булькает вдали по камням речка.

Женька поднял брови и посмотрел на Олега Григорьевича. Но физик сам с интересом ждал, что будет в приказе дальше. Женька побледнел. Даже в красных отблесках пламени было видно, как у него отлила от лица краска.

— Встань, Струменский, — приказала Ясевич.

Он медленно поднялся и, разведя руки, пробормотал:

— Я ведь не нарочно, ребята...

— Приговорить Евгения Струменского, — сурово повторила Римма, — к высшей мере наказания: двум дням сидения на троне.

У костра зашумели. Женька сглотнул слюну и сунул руки к огню. Женька просто грелся. Женька улыбался. Он любил шутить сам и хорошо понимал шутки.

— С трона Их Величество, — читала Римма, — имеет право вставать только в случаях крайней необходимости и после сигнала «отбой». Всем оказывать Их Величеству знаки королевского внимания и беспрекословно выполнять все Их просьбы.

В приказе было и про Антошу с Рыбой. Они назначались к Струменскому вроде пажей на побегушках.

Трон для Женьки соорудили из толстых ольховых жердей. Мальчишки постарались на совесть. Трон вышел отличный. Высокая, метра в три, спинка, удобные подлокотники, две ступеньки под ноги. На сиденье кто-то из девчонок пожертвовал пуховую подушку. Девчонки же придумали и герб на спинку. На листе ватмана они вывели гуашью: «Его Величество Канареечкин - Пташечкин». Надпись изгибалась дугой. В дуге чернела ворона с двумя головами. В лапах она держала большую деревянную ложку.

Женька восстал именно против герба.

— Про него в приказе не было, — буркнул он и на трон садиться отказался.

С гомоном и шутками его усадили силой. Женька брыкался. Трон скрипел и грозил развалиться.

— Ладно! — с хохотом завопил Женька, увидев, что ему всё равно со всеми не справиться. — Царствую! Прочь от трона! Не то живо сошлю на каторгу брюкву полоть. Ну!

Его отпустили и стояли полукругом с застывшими улыб-

ками. Боялись, что вскочит и удерёт. И ещё всех немного ошарашила первая тронная речь Их Величества. Особенно относительно брюквы.

Женька сам повёл игру. Он это умел. Он поправил под собой подушку, закинул ногу за ногу и произнёс:

— Нам жарко.

Девчонки, которые стояли поодаль, сдержанно фыркнули. Только одна Люся не фыркнула. Она посмотрела на Женьку большими холодными глазами, в которых мелькнуло что-то такое, отчего можно спокойно провалиться сквозь землю.

— Нам жарко, — как ни в чём не бывало повторил Женька.

Взоры всех обратились на Антошу с Рыбой. Им сунули в руки по лопуху и подтолкнули к трону.

От стыда Антоша сжался в комок и не сразу понял, что от него хотят. Он догадался об этом только тогда, когда увидел по другую сторону трона Рыбу, который покорно махал у Женькиного лица лопухом.

— Лафа на престоле, — кривлялся Женька. — Чего бы нам ещё захотеть? Хотим клубники с птичьим молоком. Со сгущённым. Вызвать к нам немедленно министра торговли и продовольствия.

Но тут Женька заметил нацеленный в него глаз киноаппарата «Кварц». Женька вырвал у Рыбы лопух и закрыл им лицо.

— Мы желаем спать, — сказал Женька. — Ша! Тихо!

Он откинулся на спинку трона и замолк.

— Однако, — пробормотал Олег Григорьевич и опустил киноаппарат.

— Чего он ещё? — закричали ребята. — Подумаешь!

У Женьки отобрали лопух. Женька грозился немедленно всех казнить и сослать на казнь. Он отворачивался и прятал лицо.

— Ладно, ребята, Струменский человек скромный, — сказал Олег Григорьевич. — Он не хочет увековечить себя для истории.

— Во! Точно, — подтвердил Женька. — А вы тут... У, подлизы несчастные.

Когда лагерь ушёл в поле, Женька слез с трона и растянулся на земле.

Антоша с Рыбой молча сидели спиной друг к другу. Лошадь Манька, на которой ездили в сельмаг за продуктами, пощипывала на полянке траву. В небе пел жаворонок. Антоше было так тошно, хоть беги и кидайся вниз головой в реку. И ещё в Антоше кипела злость. Даже не злость, а настоящая ярость, от которой что-то нетерпеливо подрагивало внутри.

Закусив губу, Антоша искаса глянул в Женькину сторону.

Женька грыз ногти. Глаза у него горели, как у ненормального. Ни с того ни с сего Женька вдруг заорал:

— Ну чего вылупился? Чего? — И, вскочив, бросился на Антошу.

Антоша, кажется, даже обрадовался, что он на него бро-

сился. Антоша встретил противника лицом к лицу.

Они дрались молча и ожесточённо. Рыба еле разнял их.

— Перестаньте, да перестаньте же, — бормотал Рыба. — Вас ведь теперь обоих из лагеря выгонят.

У Женьки оказалась сильно содранной скула и под глазом расплылся здоровый синяк. Антоша отделался без особых повреждений.

— Теперь конец, — вздыхал над Женькиным синяком Рыба. — Теперь сразу увидят, что вы дрались. А за драку — ясное дело. Об этом ещё в городе предупреждали. Мигом домой.

Где-то внутри Антоша даже обрадовался, что наконец-то всё кончилось. Только противно, что попрут их из лагеря вместе с Женькой, который с первого дня только и дожидается этой счастливой минуты. Конечно, если у Женькиных родителей дача, то там, наверное, ему будет ничуть не хуже, чем в лагере.

— Можно сделать, что и не заметят ничего, — пробормотал вдруг Женька, осторожно притрагиваясь к содранной скуле. — Вполне можно. Только мозгой нужно немножечко пошевелить.

Он исподлобья взглянул на Антошу с Рыбой и медленно направился к лесу.

Вечером лагерь облетела весть, что Женька Струменский пропал. В лагере поднялся переполох. Антоша рассказал Римме и Олегу Григорьевичу про драку и чувствовал себя последним преступником.

Отряды прочёсывали лес, и Римма в десятый раз заставляла Антошу с Рыбой повторять, что было перед тем, как Женька ушёл.

— Ну, ну, — успокаивал её Олег Григорьевич. — Нам с тобой, конечно, тоже не поздоровится. Мне так наверняка голову отвинтят. Но хуже всех будет прежде всего ему.

— Не нужно было этот трон, — твердила Римма, — ой, не нужно.

Ребята орали хором:

— Стру-мен-ский!

Женька сам вышел навстречу ребятам из чащи. Лицо у него было страшное: пятнистое, распухшее и с фиолетовым отливом.

— Одна-ако, — растерянно протянул Олег Григорьевич. — Ты, конечно, как я догадываюсь, совершенно случайно заснул в самом комарином месте?

— Нет, — буркнул Женька, с трудом двигая толстыми губами. — Я силу воли проверял. Другие минут десять выдерживают, не больше. А я целый час не двигался.

Он заплывшими глазами посмотрел на Антошу и стал скрести шею. Ни под глазом, ни на скуле у него не просматривалось никаких повреждений. Они исчезли под комариными укусами.

— Дурак, — радостно выдохнула Римма. — Ух, какие же ещё есть дураки на свете. Господи! Вас же совершенно нельзя оставить без присмотра.

Она схватила Женьку за руку и потащила его ставить примочки.

— А руки я всё время в карманах держал, — похвастал Женька. — Руками всё же работать надо.

— И головой тоже иногда надо, — заметил Олег Григорьевич. — Мозгой, как говорят некоторые.

— Олег Григорьевич, — оглянувшись, спросил Женька, — а правда, что Дантес перед дуэлью с Пушкиным под рубашку кольчугу надел?

— Фу ты! — закричала Римма. — Говорят — надел, значит, надел. Ты идёшь или нет? Почему тебя нужно, как телёнка, тащить? Господи!

«ПШИК» И «ВЖИК»

Этой байке триста лет.
 Хочешь верь, а хочешь — нет,
 На базар принёс мужик
 Для потехи «пшик» и «вжик».
 — Есть горячие рожны!
 Налетай, кому нужны!
 С пятака сдаю пятак!
 Но без денег, а за так!
 К мужику подходит пан —
 Шитый гарусом жупан.
 С паном — панова жена,
 Как кадушка сложена.
 С ними — дочка,
 Что те бочка, —
 Тоже вся наряжена.
 — Что за пшик?
 Что за вжик?
 Покажи товар, мужик!
 Обомлел мужик:
 — Попал...
 Ладно...
 Пан — или пропал!
 Вот горячие рожны!
 Покупай, коли нужны!
 Друг об дружку — вжик!
 А в кадушку — пшик!
 Панна пана толк плечом:
 Мол, спроси, какой почём.
 Но уж тут смекнул мужик,
 Сколько стóят
 Пшик и вжик.
 Круто цену заломил, —
 Пану, белый свет не мил!

На своём стоит жена:
 Не хватает ей рожна.
 Полон дом,
 Полна мошна —
 Нет в хозяйстве лишь рожна!
 Тут бочком подходит дочка.
 В маму вся,
 Стройна, как бочка:
 — Я заметить вам должна,
 Что удобней
 Два рожна —
 Чтобы можно и в кадушку,
 И к тому же
 Друг об дружку...
 Пот у пана на спине...
 — Уступи, мужик,
 В цене!
 Замахал мужик рукою:
 — Нешто слыхано такое,
 Чтоб горячие рожны
 Отдавать за полцены?!
 Сто рублей —
 И вся цена.
 Коль берёшь —
 Плати сполна!
 Сто рублей! —
 За «пшик» и «вжик»
 Получил сполна мужик.
 А потом на деньги эти
 Накупил гостинцев детям,
 И ещё купил коня,
 И ещё гулял три дня.

П О В Е С Т Ь

ЭТА ПРЕКРАСНАЯ
ГОЛАЯ БАНДА

Прошло три дня. Пашка стал совсем своим человеком в теплушке.

Смешно и странно было вспоминать, как он прятался и боялся, — думал — высадят, выгонят...

Эти ребята оказались не из тех, кому обидеть человека ни за что ни про что одно удовольствие. Эти ребята оказа-

лись — ого! Пашка даже не подозревал, что на свете есть такие. И так много.

Они были совсем взрослые, а будто Пашкины товарищи.

То ни одного друга у Пашки не было, а то целый вагон. Целый лошадиный вагон.

Вот ведь подвалила человеку удача.

Правда, и среди них был один — Лисиков, но он был один.

Этот Лисиков почему-то сразу его возненавидел. Непонятно, почему.

Может быть, оттого, что все были за Пашку, а он один против. Вот он и злился.

Все это видели и посмеивались над Лисиковым, задавали всякие каверзные вопросы.

— Зачем это ты, Лисиков, целый мешок сгущёнки тащишь — надрываешься? Тебе же её ни в жизнь самому не съесть, она же к чаю, — спрашивали его.

— Ничего, справлюсь. Вот загонят нас в дыру, вот положите зубы на полку с голодухи, тогда узнаете, зачем.

А со всех сторон в ответ:

— Ну, молодец... Запасливый мужик... Хозяин... Мы, братцы, все зачакнем и вымрем, как мамонты, а он нет, он спасётся... А скажи, Лисиков, туземцы нас не съедят? Напугал ты нас...

И все веселились. И Пашка, понятно, тоже.

А Лисиков злился почему-то только на него.

НА второй день на остановке в вагон пришел комендант. Проверять чистоту.

Все засуетились, забегали.

Пашку быстро спрятали, накрыли одеялом. А он подглядывал в щёлочку.

Комендант был маленький и юркий. Он быстро-быстро забегал по вагону, шмыгнул туда, шмыгнул сюда, заглянул под нары, вытащил оттуда пустую консервную банку из-под тушёнки.

— Свинячите?— укоризненно спросил он и ловко зафутболил банку в открытую дверь. Лицо у коменданта было недовольное, а нос мелко подрагивал. Он остановился посреди вагона, покачался с пяток на носки и сказал:

— Ну-ну?!

Володька пил воду. Он поперхнулся от неожиданности и спросил:

— Что «ну»?

— Вопросы, заявления есть?

Володька пожал плечами.

Но тут вышел вперёд Лисиков и ленивым голосом начал:

— У нас тут, знаете ли, завёлся один за... ой! Что это?! Ты с ума сошёл?!— заорал он

вдруг, потому что Володька спокойно вылил ему на голову кружку воды.

— Ему, товарищ комендант, жарко. Ему голову напекло, — улыбаясь, объяснил Володька.

Комендант подозрительно поглядел на пунцового Лисикова, на его безжалостно разрушенный пробор, потом на Володьку — такого добродушного на вид и невинного — и махнул рукой.

— А ну вас, обормоты, сами разбирайтесь, — сказал он и спрыгнул на насыпь.

А с Лисиковым перестали разговаривать.

И ЧЕГО он прицепился? — думал Пашка. Ещё в самом начале, когда Пашку вытащили на свет божий и он честно, ни слова не привирая, рассказал, почему удрал и куда добирается, Лисиков сказал:

— Врёт он всё. Меня не обманешь, я по глазам вижу. Он врёт, а вы уши развесили, лопухи. Этот заяц натворил что-то, а может быть, — Лисиков помолчал, длинно сплюнул, — а может, и спёр. Не зря удирает.

Пашка задохнулся от негодования. Он вскочил:

— Спёр, да? Спёр? Вот гляди. Вот читайте — письмо от бати. А ты... ты дурак прилизанный.

— Что-о? Смотри у меня, сопляк! В ухо живо заработаешь, — процедил Лисиков и отошёл.

С этого всё и началось. Неприятно, конечно, а что поде-

лаешь? Пашка повёл себя так, будто Лисикина вообще не существовало.

Он целыми днями сидел, свесив ноги, у распахнутой двери.

Глядел и не мог наглядеться.

Целый мир — бесконечный и разный — открывался ему.

Казалось, поезд стоит на месте, а под ним весело и быстро вертится земной шар, поскрипывает осью. Показывает

Пашке свои разноцветные бока: от сырых лесов — бутылочно-зелёные, от гречихи — белые, от ржи — жёлтые, от капусты — голубые.

Проплывали холмы, плоские блюда озёр.

Гулко гудели мгновенные мосты. Внизу плескались незнакомые реки, в белой пене неслись узкие песчаные острова и просмолённые рыбацьи лайбы.

Иногда, редко, поезд оста-

навливался на маленьких станциях — ждал встречного.

Из всех вагонов вываливалась весёлая орда — быстрая, загорелая, — ребята в трусиках, девчонки в купальниках.

Вся эта орущая, хохочущая лавина набрасывалась на маленький базарчик, обязательный на каждой станции.

Перепуганные, ошеломлённые бабки-торговки только растерянно крестились и, как наседки, закрывали растопыренными руками свои немудрёные товары — солёные огурцы, крынки со сметаной и варенцом, багровые груды помидоров, пироги с грибами и черникой.

Но им совали мятые рубли и трёшки. Бабки оттаивали, неуверенно улыбаясь, не зная, что им делать — радоваться или возмущаться.

Когда раздавался свисток и все с перемазанными сметаной рожами, с гирляндами жёлтого, неизвестно зачем нужного им лука на шеях, с кривыми огромными огурцами в руках, как дикие индейцы, бросались на штурм теплушек, — базарчика уже не существовало.

По нему будто Мамай прошёл.

Всё было слопано и расхвачано подчистую.

Только валялись пустые крынки и корзины да не пришедшие в себя бабки окаменело глядели вслед сумасшедшему поезду, мгновенно, как насос, всосавшему широкими дверями буйную вольницу.

И им, бабкам, казалось уже, будто всё это померещилось.

Но они глядели на весь этот разгром вокруг, на зажатые в потных кулаках рубли и крутили головами от изумления.

Такого они ещё не видели в своей сонной жизни.

А мальчишки и девчонки, торговавшие лесной ягодой малиной, печалились и задумывались.

Буйная, стремительная жизнь ворвалась на минуту в их тихий неторопливый мир и умчалась дальше.

А загрустившие мальчишки и девчонки остались со своими пустыми лукошками и пятнистыми кулками. Они пронзительно завидовали этой жизни, и им тоже хотелось мчаться вперёд, и орать хотелось, и дурачиться.

Пашка понимал их, сочувствовал им и был счастлив оттого, что он с ней, с этой большой жизнью. Что свой в ней человек.

ПАШКА ПЕРЕЖИВАЕТ

Один раз в сутки эшелон надолго замирал. Он останавливался на какой-нибудь подхо-

дящей станции — запылённый, пропечённый солнцем, усталый, как человек.

Пашка бежал вперёд к тепловозу. Иногда там оказывался паровоз или электровоз.

Больше всего Пашка любил паровозы.

— Паровозы любит! Почему? Консерватор ты, отсталый элемент, — дразнил его Володька,

А Пашка и сам не знал, почему. Может быть, потому, что они были такие огромные и казались самыми могучими. Было в них что-то такое, чего не хватало аккуратным, чистеньким электровозам и тепловозам, — что-то живое, — наверное, оттого, что паровозы ели и пили.

Маслянистые, попыхивающие паром, горячие, они пили воду из широченного высокого крана, который легко поворачивался на цепочке.

Иногда Пашке удавалось нырнуть под толстую тугую струю.

Вода тяжело падала на голову, на плечи, и кожа сразу становилась огуречной, пупырчатой, как у гуся, а разомлевшее от жары тело — легким, прохладным и крепким.

Пашка игоёкал, отфыркивался, как морж, и бежал к своей теплушке.

А поезд терпеливо ждал, пока все пообедают.

Для того он и остановился.

Ели у солдат.

Еда была всегда одинаковой, но почему-то не надоедала.

Ого, как все ели! Такое увидишь не часто — прямо-таки за ушами трещало.

Пашке-то и так хватало — во! От пуза, добавки ему не требовалось.

А вот тощий Володька — с ума сойти! — уплетал по две порции первого и второго, выдувал три кружки компота и говорил, маслено жмурясь:

— Эх, друг Пашка, теперь бы пообедать!

Пашка только диву давался: куда только в него лезет — какой сядет плоский за стол, такой и встанет.

— Тебе бы, Володька, в цирке выступать, — говорил Пашка, — питоном работать.

А Володька смеялся.

— Ты знаешь, как старинные люди говорили? Какой едок, такой и работник. Понял? Вот этого, — Володька кивал на Лисикова, — я б в работники не взял. Нет. Гляди, как он ест, — смотреть тошно: поковыряет и бросит. Только добро переводит.

Лисиков молчал и недобро хмурился. После того как он хотел донести на Пашку и ребята перестали с ним разговаривать, Лисиков сделался мрачным и тихим.

Пашке даже жалко его становилось временами.

Это же очень скверно и тяжело, если с тобой не разговаривают, не замечают тебя, будто ты отшельник-невидимка.

Тут уж самый золотой-раззолотой человек озлится.

Он сказал как-то Володьке об этом, но тот ответил:

— Э, оставь ты, Пашка, слюнтяйство! Нашел кого жалеть. Мы этого голубчика не первый год знаем. Поначалу его даже старостой выбрали. Вот тут он нам и показал, где раки зимуют. Еле скинули. А он всё забыть не может, как в начальниках ходил. Всё покрикивать пытается.

Володька сотворил Пашке небольшую грушу: провёл большим пальцем по голове — от затылка ко лбу, хмыкнул и отошёл.

Но для Пашки это было не очень убедительно — всё равно он жалел Лисикова.

Получалось, будто до Пашки жили дружно, а потом он явился и всё испортил.

Тяжело было так думать, неприятно.

Пашка не верил, что люди могут быть совсем, окончательно плохие.

Конечно, он знал: люди бывают хорошие и поплоше, но Пашка считал, что любому можно стать хорошим. Он был уверен, что плохими люди бывают не навсегда, а временно.

Сегодня ты такой, а завтра глядишь — совсем непохожий.

И хоть Пашке Лисиков был не очень-то по душе, он искал случая с ним помириться.

И такой случай скоро подвернулся.

Ох, если бы Пашка знал! Если бы человеку можно было хоть на часок заглянуть в будущее...

ОН ЛЮБИТ МАРТОВСКОЕ

Время обеда ещё не наступило, а поезд почему-то остановился.

Станция была большая. За зданием вокзала виднелась широкая площадь и дальше дома, дома — огромный город.

Пашка выбежал на площадь. Город был залит солнцем, раскалённый асфальт податливо прогибался под ногами.

Просто не верилось, что ты в Сибири.

«Какая же это Сибирь? Юг настоящий — во палит!» — думал Пашка.

Вчера утром всех разбудил дикий лязг. Володька с силой хлопал крышками котелков и орал:

— Проспали, проспали! Позор, позор! Знаете-кто-мы-теперь?

В Володьку запустили башмаком, но он не унимался.

— Эх-вы-за-со-ни-не-о-бразо-ван-ные! — прогремел он, опустил руки и грустно спросил: — Что бы вы без меня де-

лали, несчастные, сонные вы тетери? Вы даже не знаете, кто мы теперь есть.

— Ну, кто? — спросил Пашка.

— Вот хоть один умный человек отыскался — интересуется. Азиаты мы теперь, вот кто. Были европейцы, а теперь азиаты. Границу проехали. Своими глазами столб видел. На одной стороне: «ЕВРОПА», на другой: «АЗИЯ». Дошло?

Ну, тут все мигом проснулись, накинулись на Володьку:

— Что же ты не разбудил, балда? Эгоист какой, видели?

— Вас разбудишь! Покойников легче разбудить. А я с ночи караулил. Потому как кто я? Образованный, мудрый, любознательный человек. Не вам, сусликам, чета, — ответил довольный Володька и завалился спать.

А потом целый день все обсуждали это событие, — всем было жаль, что проглядели знаменитый столб.

Азия... Урал... Сибирь...

Пашка даже поёжился тогда. Ему показалось, будто ледяным ветерком потянуло от этих слов.

Сибирь... Слово-то какое — широченное, снежное.

А тут жара. Вот тебе и Сибирь.

— Эй, заяц!

Пашка повернулся и обомлел. К нему, улыбаясь, подходил Лисиков.

— Любуешься? — спросил он.

— Ага, — Пашка кивнул и озадаченно ждал, что будет дальше.

— Слушай, у меня к тебе просьба. Пива, понимаешь, до смерти хочется. А я дежурный сегодня. Купи мне, пожалуйста, бутылок пять. Вот тебе авоська и пятёрочка, купишь, а?

Лисиков заглянул Пашке в лицо настороженными глазами.

— Да я... да отчего же, конечно. Я это... я с удовольствием куплю, — торопливо забормотал Пашка. — Давай.

Он взял деньги и сетку, хотел уже припустить через площадь, но вдруг спохватился.

— Сколько стоим? Я успею? — спросил он.

Лисиков ласково улыбнулся:

— Успеешь, успеешь. Там паровоз меняют и вообще... Я узнавал — час простои. Только ты мне «Мартовское» купи. Я «Мартовское», понимаешь, люблю.

Хорошо улыбался Лисиков, По-дружески. Лицо у него стало открытое и доброе.

Пашка счастливо улыбнулся ему в ответ и побежал. Уже на другой стороне площади он ещё раз обернулся. Лисиков сделал ему ручкой и зашагал к вокзалу, подтянутый и аккуратный.

«А неплохой ведь парень, — подумал Пашка. — И чего они взъелись? Поглядели бы, как он улыбается. А то привыкли, что он хмурый всегда. А отчего? Оттого, что затуркали человека, и всё».

Умилённый собственным своим благородством и добро-

душием, Пашка ещё старательнее припустил вниз по просторной, звонкой улице.

По тротуарам густо шёл народ, и Пашка с трудом лавировал в неторопливой толпе.

Люди были все нарядные и весёлые, и Пашка тоже был весёлый.

Он вспомнил, что сегодня воскресенье, и ещё он подумал, что теперь вообще всё стало замечательно, теперь у него будут одни друзья, а врагов не будет. Мир и благодать наступят в доме на колёсах.

И ему стало ещё веселее.

Это раньше Пашку забавляло, что у него есть персональный враг дворник. Но то было совсем другое дело. Плевать было на того врага. Он Пашкиной жизни не касался — жил себе в стороночке. А если и касался (пальцами за ухо или метлой по горбу), то редко и ненадолго.

А тут круглые сутки вместе. И это уж получается не вражда, а склока. Как в коммунальной квартире. А кому ж охота быть склочником?

Лисиков просто молодец — взял и придушил склоку. И как у него это просто получилось и мило. Р-р-раз! И готово.

А он, Пашка, мучился. Не знал, с какого боку подступиться.

Промтоварный — мимо! Аптека — мимо! Пирожковая — мимо! Универмаг — мимо!

Стоп! Приехали. «Гастроном».

Народу было полно. Пашка протиснулся к прилавку с тру-

дом. Он так энергично работал локтями, что какой-то здоровенный парень вслух удивился:

— Во прёт-то! Во прёт! Как танк. Давай, давай, малец, жми из них масло.

Он сказал это добродушно и подмигнул Пашке.

Хороший парень, хорошие люди, хороший город, — отщёлкивало в Пашкиной голове.

«Мартовского» пива не оказалось. «Жигулёвское» было, «Рижское» было, а «Мартовского» не было.

«Ишь, привереда, — добродушно подумал Пашка о Лисикове, — „Мартовское“ ему обязательно подай».

— Ты, малец, заверни за угол направо, квартала через два «Пивной бар» будет, там есть, — подсказал тот самый парень.

Пашка благодарно кивнул и помчался разыскивать бар.

Очень уж хотел он угодить Лисикову, хоть и не понимал, чем «Мартовское» отличается от остальных. Одна дрянь: горькая, кислая и противная.

Пиво Пашка терпеть не мог. Он любил апельсиновый сок.

А Лисиков пиво.

Ну и чудесно. Пожалуйста. Прыг-скок!

Ку-шай-те на здо-ровье. Прыг-скок!

Хорошо, когда ноги легки, — прыг! Хорошо, когда небо синее, — скок!

Сперва Пашка завернул не за тот угол. В другую сторону побежал — напутал.

Но это было неважно, прошло только пятнадцать минут.

В баре «Мартовское» было.

Оказалось, что пять бутылок — это довольно тяжело. Пашка волок их, перегнувшись, и бежать уже не мог. Но шёл быстро.

Жарко было. Пот щипал глаза.

Пашка пересёк площадь, прошёл прохладным чистым вокзалом.

А потом он стоял ошеломлённый и глазам своим не верил.

Поезда не было.

Пашка до боли в глазах таращился на голубоватые отполированные рельсы и ничего не мог понять.

— Не может быть, — громко сказал он.

И вдруг облегчённо рассмеялся.

Ну, конечно же, вот балда, просто поезд перевели на другой путь.

Пашка ругнул себя.

Вот дубина, недотёпа, сразу не сообразил.

Он спрыгнул с высокого перрона, бережно прижимая к груди авоську с бутылками, пролез под одним составом, под другим...

Поезда не было.

И рельсов не было, и вообще ничего. Пустырь. А вдалеке, за пустырём, снова был город. Дома.

— Да нет, — досадливо сказал Пашка, — всё равно не может быть. Что ж они без меня уехали, что ли? Смешно.

И он полез обратно. Под одним составом... Под другим...

Поезд должен быть. Должен.

Вдруг страшная догадка оглушила его.

Никогда Пашка не думал, что мысль может ударить человека в голову, как дубина.

Тр-р-рах!

Ноги сразу стали слабые, чужие.

Пашка сел на рельсы. Глухо брякнули бутылки.

— Что ж это... Что ж это, братцы, — бормотал он.

Тяжело, как пузатый старик, влез на перрон.

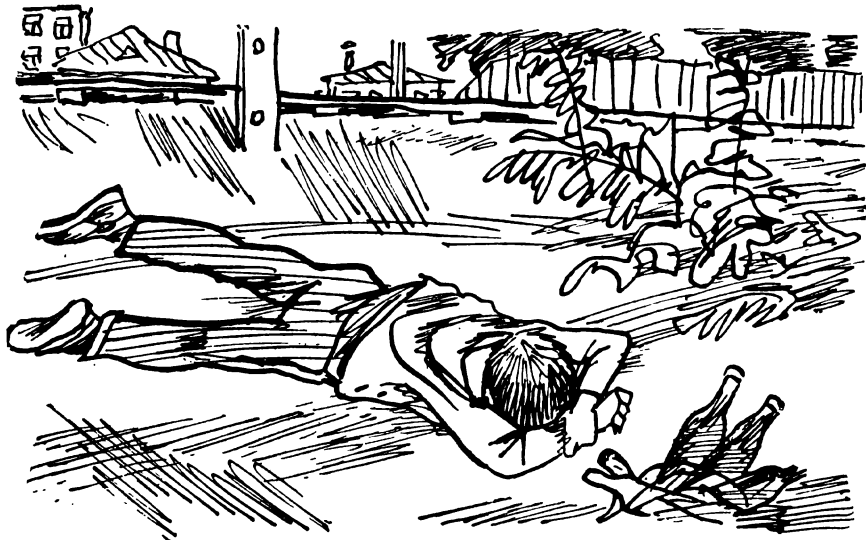
И снова сел — прямо на пыльный асфальт.

— Ты чего это здесь уселся,

он мог... Он же мне улыбался, улыбался ведь, собака».

Пашка сидел с закрытыми глазами и раскачивался, и мычал сквозь стиснутые зубы.

Никогда ещё во всю его жизнь не было ему так плохо, беспокойно и неуютно на этом свете. «А может, он сам не

пацан? — спросил строгий голос.

Пашка поднял голову и увидел «красную шапочку» — дежурного по вокзалу.

— Вы скажите... Вы мне только правду скажите, пожалуйста, — тихо проговорил Пашка, — эшелон со студентами ушёл?

— Эва, хватился. С полчаса как укатил. Да он и стоял-то всего шесть минут, встречного ждал. А ты что — повидаться с кем пришёл, с пивом-то?

Пашка замотал головой и закрыл глаза.

«Красная шапочка» постоял немного, потоптался на месте, потом хмыкнул и ушёл.

«Ну как же он мог... как же

знал», — подумал Пашка, и обрадовался, и ухватился за эту мысль.

Но тут же снова сник: фиг там не знал! Всё он знал. Паровоз, говорит, менять будут. Сам, говорит, узнавал.

Не мог Пашка этого понять. Никак не мог. Не укладывалось в него.

Конечно, бывало — обманывали его иногда. Да и сам он, случалось, надувал.

Но ведь это так — шутя или по пустякам.

А тут... Что же это?

Ведь, выходит, Лисиков наперёд всё рассчитал, выходит — он готовился к этому.

Денег вот не пожалел, чтоб

правдоподобнее было. Пашка вынул сдачу — новенькую трёшку, уставился, будто на ней что написано, объяснение какое-нибудь.

А трёшка была как трёшка, и объяснений подлецы не пишут. Ни к чему им это.

Но что-то надо было делать. Что-то делать... И Пашка поднялся.

Он шёл, как лунатик, покачиваясь, с невидящими глазами. Авоську машинально тащил с собой. Пашка шёл долго, не думая, куда он идёт и зачем.

Перрон давно кончился. Пашка брёл по заросшей бурьяном насыпи.

Потом споткнулся о какой-то железный прут, разорвал штанину и упал.

И, наконец, заревел.

Слёзы, давно наполнявшие его, стоявшие в глазах, будто только и ждали, когда он упадёт. Они выплеснулись из Пашки, перелились через край, потекли ручьём.

Он ревел громко, в голос, захлёбываясь нестерпимой обидой.

— «Я „Мартовское” люблю...» «Мартовское» он любит... У-у, гад... гад... какой же он гад... — бормотал Пашка.

Он плакал долго и вконец ослабел от слёз. Всё вокруг стало расплывчатым, тусклым и неинтересным.

Пашка лежал, уткнувшись лицом в пыльный жёсткий бурьян, и уже ни о чём не думал, а только всхлипывал иногда, вздрагивая всем телом.

И неожиданно уснул. На самом солнцепёке.

НОВЫЙ ДРУГ ГЕНКА

Проснулся Пашка от нестерпимой жажды.

Губы его распухли и запеклись, а язык стал большой и шершавый.

Сильно болела голова. Казалось, в затылок налили свинец. Нет, не свинец, а ртуть. И она тяжко переливалась в затылке, клонила голову назад.

Пашка сразу всё вспомнил. Но плакать больше не стал. И не возмущался больше, не ругал Лисикова.

Всё ему было безразлично.

Он сидел, тупо уставившись в землю, и хотел пить.

Потом вспомнил про пиво, отколупнул ножом железный колпачок, и, не отрываясь, выпил всю бутылку.

Вкуса он не почувствовал — так, тёплое что-то.

— Э, да мы, кажется, пивком балуемся, — раздался вдруг удивлённый голос. — Пикник на лоне природы. Индустриальный пейзаж и юный алкоголик. Занятно. И современно.

Пашка увидел рядом с собой тапочки. Когда-то, очевидно, белые, а теперь пропотев-

шие до черноты, запылённые громадные тапочки.

Он медленно поднял голову, скользнул взглядом по измятым, с отвислыми пузырями на коленях брюкам, по чёрной рубахе, по полосатому треугольнику тельняшки на груди и встретился с насмешливыми серыми глазами навывкате.

Человек был молодой, длинноногий, загорелый до орехового цвета, с большущим горбатым носом.

Пашка смотрел долго и равнодушно.

— Налюбовался? — спросил человек и уселся рядом с Пашкой. — И давно ты здесь поддаешь в одиночестве? — Человек звонко щёлкнул себя по кадыкастой шее. — Мальчик загулял. Не рановато ли? Нет, нет! Ради бога! Не подумай, что я хочу ущемить твое мужское достоинство! Просто ещё рановато. Порядочные люди начинают пить вечером. Утренние алкоголики — отбросы общества. Впрочем, — парень взглянул на солнце, — сейчас уже, вероятно, около полудня. Как ты думаешь?

Пашка молча разглядывал говоруна.

— Ты что, язык проглотил на закуску? Или ты немой?

Пашка молчал.

— Эге, а мы суровы!

Парень засмеялся, взял бутылку и ловко зубами сорвал пробку.

— Надеюсь, ты не откажешь жаждающему собрату? — спросил он.

— Я тебя не звал, — сказал Пашка.

Парень поперхнулся пивом и смешно вытаращил глаза.

— А мы, оказывается, не только суровы, но и немногословны. Люблю ершей. Глотаю их живьём.

— Не подавись.

Парень хлопнул Пашку по спине:

— Ты мне нравишься, ёршик. На́, пей.

Он протянул бутылку.

Пашка взял и с трудом, давась тёплой гадостью, стал глотать.

Пить ему уже не хотелось, пиво снова обрело свой вкус, но он всё равно высосал всю бутылку. До дна. Из принципа.

Парень медленно поплыл в сторону, а тело стало лёгкое и будто чужое.

Пашке стало вдруг весело и хорошо. Наплевать ему стало на всё.

Губы неудержимо разъехались, заулыбались.

— Ну вот, этак уже лучше, — сказал парень и споровисто выдул остальное пиво. — Тебе хватит, по глазам вижу, — пояснил он. — Эх, пожрать бы теперь. Монета есть?

Пашка вынул трояк.

— Да ты, случайно, не старик Хоттабыч переодетый? — изумился парень.

— Нельзя, — сказал Пашка. — Тратить нельзя. Не мой, Парень сник:

— Понимаю. Папа-мама?

— Нет мамы. И папы сейчас нет. Гада одного деньги.

— Вот как? Это уже становится интересным, — медленно проговорил парень и посерьёзnel. — Выкладывай, — прика-

зал он, глядя Пашке в глаза.

И Пашка, удивляясь сам себе, своей непонятной и радостной откровенности перед этим незнакомым парнем, выложил ему всё. С самого начала. Ничего не утаил.

Парень долго молчал.

— Да, брат Пашка, Лисиков-то твой гу-у-сь, — задумчиво проговорил он. — Продуманно он тебя сделал, тикитак. Давить его надо. Всех надо.

— Володька ему покажет, — пробормотал Пашка.

— Покажет, говоришь? А как он про эти про все дела узнает? Лисиков ему доложит? Глупый ты еще Пашка, салака.

— Ты Володьку не знаешь, он догадается, он из него душу вытрясет! — горячо, сам себя убеждая, выкрикнул Пашка.

Парень поглядел Пашке прямо в глаза. С жалостью поглядел.

— Знаешь, что этот Лисиков скажет? Он им всем скажет, что ты спёр эту паршивую пятёрку, понял? Спёр и отвалил. А может, и ещё что-нибудь придумает. Похлеще. Фамильные мои, скажет, драгоценности увёл малолетний преступник Пашка. Полкило брильянтов. А то с чего бы ему сбегать? Плохо ему было, что ли? И они все поверят. И Володька твой поверит, как миленький. Потому что так ему спокойнее будет жить. Понял? А то — Володька, Володька... Людей ты, Пашка, ещё понимать не можешь, потому что насквозь голубой. Ну да поживешь — слиняешь. Умнее станешь — Лисиковы научат.

Пашку бросило в жар. Лицо

его стало горячим и мокрым. А руки сами по себе ломали, выкручивали пальцы.

— Он может... этот гад всё может... Но разве ж непонятно — на кой мне его пятёрка, разве непонятно? Я же помириться хотел. Неужели Володька не поймёт, поверит? — шептал Пашка.

— Как миленький. Уж это ты мне поверь, — подтвердил парень.

Он ещё что-то говорил, но Пашка уже не слышал.

Мысль об этой дикой, ужасной несправедливости была так невыносима, что Пашка изо всех сил желал сейчас взять и умереть. Здесь, на месте.

Ему захотелось закричать так страшно и сильно, чтобы лопнули легкие.

— Брось ты убиваться, — услышал он голос парня, — всё это плешь. Наплюй. Со мной ещё и не то бывало. С тобой так, и ты так. Счастье твоё, парень, что меня встретил. С Генкой не пропадёшь. Генка друга не бросит.

Генка встал.

— Пошли, — сказал он.

Пашка непонимающе поглядел на него. Он не представлял, как можно сейчас, когда весь мир затопило несчастье, подлая несправедливость, куда-то идти, что-то делать...

— Куда? — прошелестел он белыми губами.

— Сперва пожрём. Потом на пляж.

— На пляж?! — изумился Пашка. — Зачем на пляж?

— Прибарахлиться, — непонятно ответил Генка. — Не могу же я, цивилизованный человек, разгуливать по этому населённому пункту в отрепьях. Пошли пожрём, смоем пыль дальних странствий, прибарахлимся и станем красивыми и беззаботными.

Соображая туго, с трудом, Пашка поднялся и медленно, как заводная игрушка, переставляя ноги, побрёл за Генкой.

— На пляж так на пляж, теперь всё едино, — сказал он. — Хочу быть беззаботным. Только ничего из этого не получится. Не смогу я.

— Сможешь, — сказал Генка, — получится.

(Продолжение следует)

Нелюдимо наше море

(К 150-летию со дня рождения художника

И. К. АЙВАЗОВСКОГО)

КОРАБЛИ НА СТЕНЕ

Ованес рос на берегу щедрого Чёрного моря. Феодосия—городок небольшой, весь на горе, а внизу берег: где камень, а где песок. Дочерна загорал за лето, плавал в воде, как рыба, помогал рыбакам разгружать улов, а если возьмут они его с собою в море, кажется, — век бы не возвращался!

Но было у Ованеса и свое особенное увлечение. С малолетства любил рисовать, хоть не было ни бумаги, ни красок, ни даже карандаша. Самоварным углем рисовал на заборах, на стенках домов. И влетало же ему за такое художество! А однажды уж очень хороший забор попался: только что побелила его хозяйка. Переулок глухой. Полдень. Зной. Все люди попрятались от жары. Никто, думал мальчик, не помешает. И море нарисовал, и суда на рейде. Даже солдата на берегу, с ружьём, в полной военной форме. Увлёкся, не заметил, как сильные пальцы пребольно схватили за ухо.

— Я тебе покажу чужие заборы пачкать! — загремел над головой басовитый голос.

Мальчик скосил глаза: городской! Усищи длинные, как у таракана.

— Пустите, дяденька! Я больше не буду! — заголосил на всю улицу.

Но пальцы не разжимались. И вдруг близко, совсем близко загрохотала пролётка.

— А вот и начальник едет! — торжествовал городской.

Ованес не на шутку струсил. Пролётка тем временем остановилась.

— Что тут такое? — раздался сердитый окрик.

— Да вот — рисует...

— Рисует?!

Градоначальник, господин Казначеев, уже приближался.

— Ступай! — нахмутив брови, кивнул он городовому.

Мальчик оцепенел в ожидании расправы.

Начальник долго, внимательно всматривался в рисунок, потом укоризненно покачал головой:

— Это что? Где бушприт? А тут — на мачте — зачем лишний парус поставил?.. Ну, что молчишь? Как зовут? Или и это забыл?

— Иваном... — растерянно пролепетал мальчик. Был он из армянской семьи, и дома отец с матерью звали его на родном языке Ованесом, а по-русски Ованес — это Иван.

Начальник погрозил пальцем и отвернулся. Уже из пролётки крикнул:

— Придешь, Иван, ко мне вечером!..

Весь день промучился Ованес: не мог понять, что ждет его у начальника. Рассказал дома. Мать расплакалась. Отец промолчал, только покосился на плётку, всегда висевшую на стене. В семье мальчиков трое — без плётки не вырастишь!

А ничего страшного не произошло. Начальник подарил ему целую пачку рисовальной бумаги и настоящие цветные карандаши. Потом он долго молчал, думал и наконец пообещал позаботиться.

Когда Казначеева назначили таврическим губернатором, он взял Ивана с собой в Симферополь.

И даже определил в симферопольскую гимназию. Вместе со своим сыном Александром.

Конечно, учителя вскоре же обратили внимание на художественные способности мальчика. В год окончания гимназии его рисунки были посланы в Петербург, и вот — чудо! — выпускник симферопольской гимназии зачислен в императорскую Академию художеств! Простившись с родителями, осенью 1835 года на лошадях отправился он на далёкий север, навстречу неизвестной судьбе.

Так началась самостоятельная жизнь знаменитого русского художника Ивана Константиновича Айвазовского.

РОМАНТИК МОРЯ

Всю свою жизнь писал Айвазовский море — воду, волны и корабли. У моря родился, и в академии, по счастливому случаю, был определен в обучение к первому русскому маринисту Максиму Воробьеву, художнику, с большим мастерством изображавшему морские и речные пейзажи.

Писал Воробьев природу в час рассвета, когда и берег и корабли — всё словно тает в таинственной дымке, или ночью, когда всё вокруг сверкает в волшебном сиянии луны. Он учил Ивана писать воду и искать в природе поражающие глаз эффекты освещения. И в этом ученик вскоре превзо-

шёл своего учителя. Но не тихое штилевое море привлекало внимание юноши: на его полотнах вздымаются свирепые волны, угрожая жизни отважных мореплавателей, на его картинах русские корабли бесстрашно вступают в бой с противником, — рушатся мачты, факелами пылают, взрываются огромные суда. Человек в борьбе со стихией и подвиги русских моряков — вот главные темы творчества Айвазовского.

Окончив академию и совершив путешествие по Европе, художник возвратился в родную Феодосию. Именно здесь тридцати трех лет от роду написал он одно из лучших своих произведений «Девятый вал» — картину, которую каждый может увидеть теперь в Государственном Русском музее в Ленинграде.

Страшная ночь миновала. На обломках судна спасаются мореплаватели, потерпевшие кораблекрушение. Они машут флагом, подавая сигнал товарищу, из последних сил борющемуся с волнами. А волны ревут, пенятся, набегают одна на другую. Они вздымаются всё выше и выше. Мгновение — и над кучкой людей поднялся самый грозный, самый страшный девятый вал! Сейчас он обрушится!.. Что же ожидает несчастных — гибель, или мимо пронесётся могучий девятый вал?!

Трагическое мгновение изобразил на полотне художник-романтик. Но картина не производит угнетающего впечатления. Напротив — всё в ней звучит мажорно, даже празднично: и розовеющие каскады брызг, и яркие блики, скользящие по волнам, и солнце, в алой дымке встающее над бирюзовым морем. Пускай ревут волны, пусть грозен могучий вал, но картина самой музыкой красок внушает веру в победу человека над слепой и беспощадной стихией.

*Нелюдимо наше море,
День и ночь шумит оно;
В роковом его просторе
Много бед погребено,*

Так писал в прошлом столетии поэт Николай Языков. Эти романтические стихи, как песню, распевали передовые люди, современники Айвазовского. Особенно любила их молодёжь, студенты:

*Смело, братья! Туча грядет,
Закипит громада вод,
Выше вал сердитый встанет,
Глубже бездна упадёт!*

Как и в этих стихах, в полотнах Айвазовского русские люди видели призыв к борьбе и черпали силы для этой борьбы.

ПОЧЕТНЫЙ ГРАЖДАНИН ФЕОДОСИИ

Что же заставило Айвазовского поселиться так далеко от Петербурга, от академии, от товарищей — в маленьком городке на берегу Чёрного моря?

Кажется, каких только успехов и почестей не добился на своем пути художник! Его картины имели неизменный успех на выставках в Париже, Флоренции, Неаполе, Риме, не говоря уже о городах России. Сам папа Римский приобрёл у него картину «Хаос» и выставил её в Ватиканской картинной галерее. Художник был удостоен звания члена Амстердамской, а затем и Петербургской академий художеств. Царь Николай Первый обласкал художника и назначил живописцем главного морского штаба. Он заказал Айвазовскому виды главных русских портов и приморских городов: Петербурга, Ревеля, Петергофа, Кронштадта, Свеаборга, Гангута — и нередко брал с собой на морские прогулки. Стоя на кожухе правого парового колеса, в то время как художник должен был стоять на ле-

вом, царь кричал живописцу:

— Я — царь земли, а ты, Айвазовский, — царь моря!

Но именно царские милости, а тем более причуды пришили не по душе свободолюбивому художнику. Не в его характере было угождать и прислуживаться: сказавшись больным, Айвазовский уехал на родину, в Крым, где и провёл всю свою долгую жизнь. В родной Феодосии художник выстроил себе дом с просторной мастерской, здесь обучал молодых художников и работал, работал...

Ежедневно, с восьми часов, он стоял уже у мольберта. В мастерской не было ничего лишнего: мольберт, несколько стульев и маленький столик для красок и для кистей. Стены, окрашенные в тёмный малиновый тон, словно бы отступали в глубину, не отвлекая глаза от работы. Айвазовский в первую половину дня старался даже не выходить на улицу, чтобы вид посторонних предметов не разрушил образов, сложившихся в сознании. Это было тем более важно, что художник писал свои картины по памяти, редко делая

наброски с натуры. И действительно, разве мог он писать с натуры бурное море?

Айвазовский говорил: «Движения живых стихий неуловимы для кисти: писать молнию, порыв ветра, всплеск волны — немисливо с натуры. Для того-то художник и должен запоминать их, и этими случайностями, равно как и эффектами света и теней, обставлять свою картину».

Феноменальная зрительная память помогала художнику через долгое время — через год, два и даже больше — восстанавливать на холсте во всех подробностях увиденное в природе. А блестящее воображение и, конечно, глубокое знание морской стихии давали возможность, как он сам признавался, писать в Крыму виды Балтийского побережья, летом — пейзажи зимние, в пасмурные дни — ясное, безоблачное небо с восходом солнца. И всё это не выходя из рабочей комнаты!

Старейший советский пейзажист Рылов рассказывал, как однажды Айвазовский (ему было уже за семьдесят) пришёл в мастерскую Архипа Ивановича Куинджи посмотреть работы его учеников.

— Иван Константинович, — попросил Айвазовского хозяин, — покажите им, как надо писать море. — И подвёл Айвазовского к мольберту.

Гость отказываться не стал, «назвал необходимые ему четыре или пять красок, осмотрел кисти, потрогал холстики, стоя, не отходя от мольберта, играя кистью, как виртуоз, написал морской шторм. По просьбе Архипа Ивановича он

моментально изобразил качающийся на волнах корабль, причём поразительно ловко, привычным движением кисти дал ему полную оснастку. Картина готова и подписана. Один час пятьдесят минут тому назад был чистый холст, теперь на нем бушует море...»

Сейчас это виртуозное полотно хранится в запасниках Русского музея.

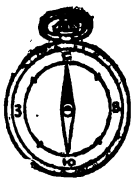
Свыше шести тысяч картин, не считая рисунков и набросков, создал за свою долгую жизнь трудолюбивый художник. И большинство этих полотен создано на берегах Чёрного моря, в Феодосии.

Художник очень любил родной город. На свои средства построил в Феодосии водопровод, построил здание краеведческого музея, хлопотал, чтобы к городу была проложена железнодорожная ветка. За все эти заботы сограждане провозгласили художника «почётным гражданином города Феодосии». Дни рождения художника стали праздниками для всего города, а в одну из годовщин его творческой деятельности в Феодосийскую бухту вошли суда Черноморского флота и громом орудий приветствовали юбиляра.

Сейчас в доме-мастерской Айвазовского устроен музей его имени. Здесь хранится свыше четырехсот картин художника. А перед музеем, на бульваре, стоит памятник, на постаменте которого написаны только два слова:

**«ФЕОДОСИЯ
АЙВАЗОВСКОМУ».**

ПОСТРЫЕ ЗАМЕТКИ

До сегодняшнего дня в некоторых областях Кении, Камеруна, Конго рассказывают об огромных животных с гладкой кожей, головой змеи и шейей длинней, чем у жирафа, обитающих в озёрах и непролазных топяx. Местные жители утверждают, что никто не осмеливается проникнуть в царство чудовищ, но иногда они сами появляются вблизи поселений, наводя ужас и обращая в бегство целые деревни.

Что это — игра воображения? Ведь эти рассказы рисуют точный портрет динозавров, вымерших миллионы лет назад.

ВЫМЕРЛИ ЛИ ДИНОЗАВРЫ?

Однако большинство учёных считает, что динозавры вымерли потому, что не перенесли изменений климата и ландшафта Земли. Но эти

изменения в Центральной Африке были не столь велики, как в других областях Земли.

Может быть, действительно живут ещё в недоступных тропических зарослях Центральной Африки сказочные драконы... мезозойской эры?

БЕЛЫЙ ЖИРАФИ

Жираф-альбинос является гордостью заповедника Мкомази (Танзания). Немало туристов делает изрядный крик, чтобы полюбоваться на разгуливающего по заповеднику снежно-белого с головы до ног, с чёрной челкой на лбу и чёрным кончиком хвоста, жирафа.

ПОТОМОК «ЛЕВШИ»

В Закарпатье живёт агроном Николай Сядристый — потомок героя лесковского рассказа «Левша».

Много вечеров просидел Николай с лупой и резцом и сделал... скрипку, которая (вместе с футляром) в несколько раз меньше копеечной монеты. Шахматную доску, которую изготовил агроном, можно разглядеть только под микроскопом. Размер её 1,5×1,5 миллиметра. На ней расстав-

лены все фигуры. Николаю пришлось изготовить специальный токарный станок, на котором и были выточены из рога и пластмассы эти фигуры.

Или вот под микроскопом — половинка виноградного зерна. На нём отчётливо вырисовывается карта Закарпатья. На карте обозначены все города и крупные рабочие посёлки. В точке с надписью «Ужгород» изображено здание обкома партии и облисполкома. На фасаде видны все 105 окон. Вот ещё его тво-

рение. На листке ватмана штриховой портрет В. И. Ленина. Под микроскопом каждый штрих превращается в слово. 140 тысяч слов! Полный текст ленинских произведений «Очередные задачи Советской власти», «Великий почин». Над этим шедевром художник работал 4 месяца.

Любитель микроискусства никогда не расстанется с микроскопом и резцом. Материалом ему служат стекло и кость, пластмасса и косточки плодовых деревьев.

...в Олдумском ущелье (Объединённая Республика Танзания) найден череп самого древнего человека? Проведённые исследования показали, что человек, обитавший в этой, восточной, части Африки, почти на миллион лет «старше» питекантропа. Учёные считают, что данные дальнейшего изучения находки намного обогатят науку о происхождении человека.

★

...самое «мокрое» место в нашей стране — район Батуми? Здесь за год выпадает до 2400 миллиметров осадков. Однако это в пять раз меньше, чем в индийском селении Черрапунджи или на Гавайских островах. В период дождей там ливень может дать до 1000 миллиметров осадков в сутки. Это в два-три раза больше, чем годовая норма осадков в большинстве районов СССР.

★

...на город Кампос в восточной Бразилии напали... пчёлы? Они и раньше немало досаждали жителям Кампоса, но жалили больше кур и домашних животных. Теперь же одичавшие пчёлы напали и на людей. Доведённые до отчаяния жители города обратились за помощью к правительству.

★

...недавно в Японии издана книга-малютка? Она помещается на кончике пальца! Формат её 2,8×4 миллиметра, толщина — 1 миллиметр. На её 24 страницах напечатаны 100 стихотворений японских поэтов. До появления этой книги самой маленькой книгой на земном шаре была библия форматом 5×5 миллиметров, хранящаяся в музее имени Гутенберга в Майнце.

★

...по величине водных запасов наша страна превосходит Бразилию, США, Китай и многие другие страны? Большая часть речных вод (до 86,5 процента) стекает в бассейны Северного Ледовитого и Тихого океанов. Суммарный сток четырёх наиболее крупных рек — Енисея, Лены, Оби и Амура — составляет 44 процента стока со всей территории страны. В СССР с каждого квадратного километра площади непрерывно стекает 6,2 литра воды в секунду. Наибольшая величина стока наблюдается на Черноморском побережье Кавказа (88,5 литра в секунду), а наименьшая в пустынях Кара-Кум и Кызыл-Кум.

★

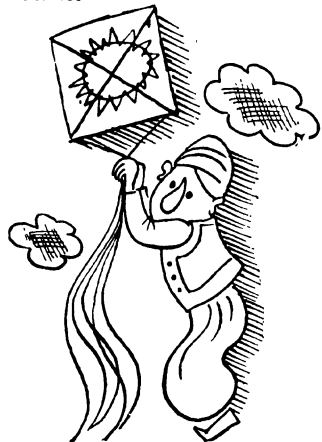
...шахтёр — одна из древнейших профессий? Это подтверждают находки археологических экспедиций. На территории Белоруссии недавно обнаружены горные выработки, возраст которых около пяти тысяч лет.

★

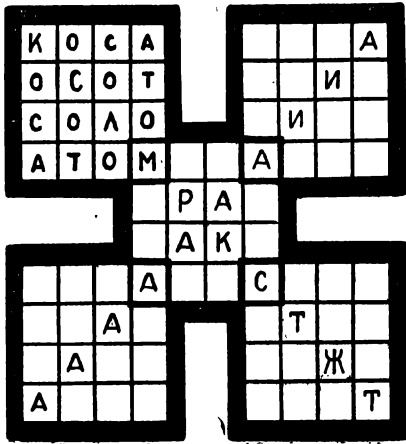
...звери также путешествуют? Каждый год целая армия четвероногих путешественников снимается с привычных мест и на поездах или самолётах переезжает за тысячи километров. Знаменитый сибирский соболь встречается теперь на побережье Охотского моря, бобры живут в лесах Подмосковья. «Чемпионом» по дальности среди зверей-путешественников считается шиншилла. Она прибыла в Среднюю Азию из американского штата Колорадо.

★

...полёт со змеем стал новым видом спорта, который пользуется популярностью и имеет свою всемирную федерацию? Последняя решила устроить соревнования на первенство Европы. Соревнования проводились у побережья Средиземного моря на французских курортах Антибес. Первое место в полёте на змее, связанном с большим риском, занял грек Джон Томас.

МАГИЧЕСКАЯ ФИГУРА

На рисунке — пять так называемых «магических квадратов», сцепленных угловыми клетками в общую фигуру.

Один из квадратов заполнен — в нём можно прочесть четыре слова, каждое дважды — по горизонтали и по вертикали. Остальные квадраты предстоит заполнить вам самим, подбрав подходящие слова.

Буквы, уже вписанные в клетки фигуры, должны, конечно, соответственно войти в ваши слова.

Эта задача может иметь несколько решений.

Отдел ведёт В. Ажентьев

ПЛЕТЁНКА

На десяти ленточках написали пословицу — по пять букв на каждой. Затем ленточки переплели «рогожкой» так, что часть букв «скрылась».

Попробуйте установить, какая именно пословица была написана.

Читать нужно сперва на горизонтальных лентах, потом — на вертикальных.

РЕБУС

Разгадав ребус, вы узнаете загадку.
Разгадать же загадку тоже не так-то просто..
Попробуйте всё-таки.

Проверь себя

(Ответы к «Искорке» № 6, 7)

КРОССВОРД

По горизонтали: 1. Весна. 4. Месяц. 6. Октябрь. 9. Трал. 10. Ось. 11. Лупа. 14. Приказ. 15. Нагода. 17. Гром. 18. Бал. 19. Форт. 23. Фабрика. 24. Пират. 25. «Зенит».

По вертикали: 1. Ворот. 2. Анка. 3. Клякса. 4. Море. 5. Цифра. 7. Нахимов. 8. Суворов. 12. Шар. 13. Бак. 16. Капрон. 17. Галоп. 20. Томат. 21. Факт. 22. Указ.

РЕБУС

«Немногие знают, как много надо знать для того, чтобы знать, как мало мы знаем».

БЕЛЫЕ И ЧЁРНЫЕ

Море не высохнет, народ не заблудится.

БУКВЕННАЯ ЗАДАЧА

1. Устав. 2. Битва. 3. Альпы. 4. Сайра. 5. Остап. 6. Слава. 7. Хорда. 8. Эвбея.

ЛЕВОЙ, ПРАВОЙ...

На поставленный вопрос можно ответить определённо: у бегуна вынесена вперёд правая рука, следовательно, впереди — левая нога...

КРОССВОРД

По горизонтали: 1. Бажов. 3. Гараж. 6. Делиб. 8. Базар. 9. Баритон. 11. Табурет. 14. Наган. 15. Ягода. 16. Аврал. 17. Пиала.

По вертикали: 1. Бедро. 2. Жёлоб. 4. Разин. 5. Жаров. 7. Барабан. 8. Батарея. 10. Канва. 11. Тагор. 12. Тропа. 13. Прага.

ГЕОМЕТРИЧЕСКАЯ НАБЛЮДАТЕЛЬНОСТЬ

47 треугольников.

РЕБУС

Премудрость в народе живёт.

АРИФМОГРАММА

Знание дороже денег, острее сабли, сильнее пушки.

Содержание

Революционный гудок. Стихотворение Демьяна Бедного	1
Эстафета. Стихотворение Павла Шубина	2
В разведке. Стихотворение Михаила Светлова	3
Знаменный зал. Стихотворение Виссариона Саянова	4
Дьявольский велосипед. Рассказ Н. Слепаковой	5
В Михайловском. Стихотворение Е. Руженцева	19
Кусачки. Рассказ Н. Григорьева	20
Дюшес. Рассказ В. Сулова	24
Высшая мера. Рассказ К. Курбатова	30
«Пшик» и «Вжик». Стихотворение М. Либина	42
Бурное лето Пашки Рукавишникова. Продолжение повести Ильи Дворкина	43
Мелюдино наше море. Очерк О. Туберовской	57
Истрые заметки	61
Клуб смекалистых ребят	63

На 1-й странице обложки рисунок художника Г. Ясинского «Грибники».

На 2-й и 3-й страницах обложки — «Репортаж из лета». Фото Г. Сафонова и Н. Карасёва.

На 4-й странице обложки рисунок художника Л. Каминского «Чужими руками».

Редактор В. Л. БИАНКИ

Адрес редакции: Ленинград, Д-23, Фонтанка, 59, комн. 115

Сдано в набор 26/VI 1967 г. Подписано к печати 3/VIII 1967 г. 4 печ. л. М-44009 Заказ № 972. Формат бумаги 70×108¹/₁₆. Цена 10 коп. Тираж 70000 экз.

Типография имени Володарского Лениздата, Ленинград, Фонтанка, 57

Ему бы в морские туманные дали, Так так он просился! И скова не взяли..
Тут волны и солнце, и ветер! Вот вредные взрослые эти!...

ВСЕ СКАЗАЛИ: «АЙ ДА СВЕТА!
ДВЕ КОЛЛЕКЦИИ ЗА ЛЕТО!»

НУ, А КАК «ТРУДИЛАСЬ» СВЕТА
ОБЪЯСНИТ КАРТИНКА ЭТА ...